

Эксперт-криминалист

№ 2
2019

Федеральный научно-практический журнал

Издается с 2005 г.

Учредитель: Издательская группа "Юрист"

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охраны культурного наследия
Пер. ПИ № ФС77-52166 от 19 декабря 2012 г.

Периодичность — 4 номера в год

Главный редактор:

Комиссарова Я.В.

Редакционный совет:

Ковалев А.В., Леканов Ю.И.,
Пинчук П.В., Рябов С.А.,
Смирнова С.А., Токарев П.И.,
Шишко А.В., Алиев Б.А. (Азербайджан),
Крайникова М. (Словакия),
Малевски Г. (Литва).

Главный редактор ИГ «Юрист»:

Гриб В.В.

Заместители главного редактора:

Бабкин А.И., Белых В.С., Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование и корректура:

Швечкова О.А.

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 — многоканальный

Отдел работы с авторами:

avtor@lawinfo.ru,
тел. (495) 953-91-08

Адрес редакции/издателя:

115035, г. Москва,
Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7
<http://www.lawinfo.ru>

Подписной индекс по каталогам:

«Роспечать» — 20625,
«Объединенный каталог.
Пресса России» — 91912

Формат 60x90/8. Печать офсетная.
Физ.печ.л. — 5. Усл.печ.л. — 5.
Общий тираж 1000 экз. Цена свободная.

Отпечатано в типографии
«Национальная полиграфическая группа».
248031, г. Калуга, п. Северный, ул. Светлая,
д. 2. Тел. (4842) 70-03-37
ISSN — 2072-442X

Номер подписан 21.03.2019.
Номер вышел в свет 15.05.2019.

Опубликованные статьи выражают мнение их авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Полная или частичная перепечатка авторских материалов без письменного разрешения редакции преследуется по закону.

Внимание наших авторов! Отдельные материалы журнала размещаются в электронной правовой системе «КонсультантПлюс». Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) **eLIBRARY.RU**

Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

СОДЕРЖАНИЕ

- Абдулина Е.В., Зыков В.В.** Судебно-медицинская генетическая экспертиза в гражданском процессе 3
- Дьяконова О.Г.** Своевременное информирование участника судопроизводства как гарантия реализации права при назначении и производстве судебной экспертизы 5
- Мещеряков В.А., Пошвин А.Л., Цурлуй О.Ю.** К вопросу об исследовании подписи по электрофотографическим копиям документов 8
- Казакова С.Е., Соловьева Н.А.** Механизм возникновения и описание диагностических признаков в оттисках полиграфической продукции (на примере флексографии) 11
- Татарина Л.В., Шестеперова Е.Л.** Использование методов филологического анализа в процессе идентификации языковой личности представителей китайской национальности 13

ДОМ, В КОТОРОМ МЫ ЖИВЕМ...

- Бессонов А.А.** К вопросу о понятии криминалистического мышления 17
- Бондаренко П.В.** Размер изображения как критерий пригодности для идентификации лиц, зафиксированных на видеозаписи 20
- Маланин Н.В.** Комиссионная судебно-медицинская экспертиза при расследовании уголовных дел о преступлениях, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи 24
- Погребной А.А.** Максимальная плотность повреждений в дробовой осыпи как признак дистанции выстрела 26
- Саньков В.И.** О практике проведения ситуационных судебно-медицинских экспертиз по делам о безвестном исчезновении граждан 30
- Хмельва А.В.** К вопросу о выявлении на месте происшествия диагностических признаков лица, совершившего убийство 33
- Храмцова В.В.** Проблема установления причинно-следственных связей в ходе расследования уголовных дел по фактам доведения до самоубийства, склонения к совершению самоубийства, содействия совершению самоубийства 36

КОНФЕРЕНЦИИ. НАШ ДАЙДЖЕСТ

- Неретина Н.С.** Итоги VII Международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях» 39
- Пресс-релиз VII Всероссийской научно-практической конференции «Криминалистические средства и методы в раскрытии и расследовании преступлений» 40**

Forensics analyst

Federal science-practice journal

No. 2
2019

Published from 2005

Founder: Jurist Publishing Group

REGISTERED AT THE FEDERAL SERVICE FOR THE MONITORING OF COMPLIANCE WITH THE LEGISLATION IN THE SPHERE OF MASS COMMUNICATIONS AND PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE REG. PI № FC77-52166 of December 19, 2012.

Published quarterly

Editor in Chief:
Komissarova Ya.V.

Editorial Board:
Kovalev A.V., Lekanov Yu.I.,
Pinchuk P.V., Ryabov S.A.,
Smirnova S.A., Tokarev P.I.,
Shishko A.V., Aliev B.A. (Azerbaijan),
Krajnikova M. (Slovakia),
Malevski G. (Lithuania).

Editor in Chief of Jurist Publishing Group:
Grib V.V.

Deputy Editors in Chief:
Babkin A.I., Bely'kh V.S., Renov E'.N.,
Platonova O.F., Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:
Shvechkova O.A.

Editorial Subscription Centre:
(495) 617-18-88 — multichannel

Authors' Department:
avtor@lawinfo.ru
(495) 953-91-08

Editorial office / publisher:
Bldg. 7, 26/55 Kosmodamianskaya Emb.
Moscow, 115035
<http://www.lawinfo.ru>

Subscription in Russia:
ROSPECHAT catalogue — 20625,
United Catalogue.
Russian Press — 91912

Size 60x90/8. Offset printing. Printer's sheet — 5.
Conventional printed sheet — 5.
Circulation 1000 copies. Free market price.

Printed by National Printing Group Ltd.
248031, Kaluga, settlement Severnij,
street Svetlaya, h. 2. Tel. (4842) 70-03-37
ISSN — 2072-442X

Passed for printing 21.03.2019.
Issue is printed 15.05.2019.

The articles express opinions of their authors which do not necessarily coincide with the viewpoint of the editorial office of the journal. All rights reserved. Complete or partial reproduction of authors' materials without prior written permission of the Editorial Office shall be subject to legal persecution.

Attention our authors! Certain materials of the journal shall be placed at legal system "ConsultantPlus". Journal is included in the database of the Russian Science Citation Index **eLIBRARY.RU**

Included into the list of leading reviewed scientific journals and periodicals, where basic scientific results of doctoral and candidate theses shall be published.

CONTENTS

Abdulina E.V., Zykov V.V. Forensic Medical and Genetic Examination in a Civil Procedure.....	3
Dyakonova O.G. Timely Informing of a Proceedings Participant as a Guarantee of Exercising of Rights in Case of Commissioning and Carrying out of a Forensic Examination.....	5
Mescheryakov V.A., Poshvin A.L., Tsurluy O.Yu. On Signature Analysis Using Electrophotographic Document Copies.....	8
Kazakova S.E., Solovyeva N.A. The Mechanism of Origination and Description of Diagnostic Attributes in Printed Products (on an Example of Flexography).....	11
Tatarinova L.V., Shesteporova E.L. The Use of Philological Analysis Methods in Identification of the Linguistic Identity of Representatives of the Chinese Nationality.....	13
THE HOUSE WE LIVE IN ...	
Bessonov A.A. On the Concept of Criminalistic Thinking.....	17
Bondarenko P.V. Image Size as a Criterion of Fitness for Identification of Persons in Video Footage.....	20
Malanina N.V. An Expert Panel Forensic Medical Examination in Investigation of Criminal Cases on Crimes Involving Undue Medical Assistance Rendering.....	24
Pogrebnoy A.A. The Maximum Density of Damage in a Shot Pattern as an Attribute of the Shooting Distance.....	26
Sankov V.I. On the Practice of Carrying out of Situational Forensic Medical Examinations in Missing Person Cases.....	30
Khmeleva A.V. About On-Site Identification of Diagnostic Attributes of a Person Having Committed a Murder.....	33
Khramtsova V.V. The Issue of Establishment of Cause-and-Effect Relationships in the Course of Investigation of Criminal Cases on Forcible Suicide, Inducement for Suicide, Assistance in Suicide.....	36

CONFERENCES. OUR DIGEST

Neretina N.S. Results of the VII International Scientific and Practical Conference The Theory and Practice of Forensic Examination in the Modern Conditions.....	39
Press release of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference Criminalistic Means and Methods in Crime Solving and Investigation....	40

Судебно-медицинская генетическая экспертиза в гражданском процессе*

Абдулина Евгения Владимировна,
доцент кафедры судебной медицины
Кировского государственного медицинского университета
Министерства здравоохранения Российской Федерации,
заведующая молекулярно-генетическим отделением
Кировского областного бюро судебно-медицинской экспертизы,
кандидат медицинских наук
zykov.77@mail.ru

Зыков Вячеслав Валерьевич,
доцент кафедры судебной медицины
Кировского государственного медицинского университета
Министерства здравоохранения Российской Федерации,
заведующий зональным отделом № 2
Кировского областного бюро судебно-медицинской экспертизы,
кандидат медицинских наук
zykov.77@mail.ru

Целью работы явилось исследование проблем законодательства по регулированию деятельности судов и субъектов гражданского судопроизводства в ходе назначения и проведения судебно-медицинской генетической экспертизы, которые требуют комплексного изучения и разработки рекомендаций по их разрешению. В статье рассматриваются проблемы, возникающие в практической деятельности судебно-медицинских учреждений по изъятию биологических образцов у живых лиц и трупов для проведения генетических исследований. Проведен анализ существующих правовых норм, регулирующих порядок назначения и проведения генетических экспертиз. Был учтен опыт проведения подобных исследований и выявлены пробелы в гражданском законодательстве.

Ключевые слова: гражданский процесс, доказательства в суде, судебно-медицинская генетическая экспертиза, судебная медицина.

The purpose of the work was to research the procedural problems in regulating of the practice of courts and subjects of civil proceedings in the process of appointing and conducting forensic genetic examination, which require comprehensive study and development of recommendations for their resolution. In article are considered the problems that arise in the practical activities of forensic institutions for the selection of biological samples from living people and corpses for carrying out genetic researches. The analysis of existing legal norms, which regulate the procedure for the appointment and conduct of genetic examinations, was conducted. The practical experience of conducting similar studies has been considered, and gaps in civil legislation was identified.

Keywords: civil process, evidence in court, genetic forensic examination, forensic medicine.

Научно-технический прогресс на протяжении всего исторического развития цивилизации существенно влиял на все сферы жизни и деятельности человека. Это касается и юриспруденции, законодательной и судебной практики. Развитие науки и практика применения новых знаний неизбежно приводят к организационным, методическим и процессуальным нововведениям в гражданском судопроизводстве. С появлением новых научных достижений увеличиваются возможности применения специальных знаний в гражданском процессе, прежде всего в рамках судебной экспертизы. Заключение экспертов расширяют доказательственную базу при рассмотрении гражданских дел и способствуют повышению обоснованности судебных решений.

С началом нового тысячелетия наряду с традиционными экспертизами по гражданским делам получили развитие новые виды судебных экспертиз, в частности, судебно-медицинские генетические экспертизы. Генетические экспертизы — сравнительно молодой вид специального исследования, которое является в настоящее время одним из наиболее надежных доказательных методов, позволяющих устанавливать биологическое родство в рамках особого гражданского судопроизводства. Однако на современном этапе практически отсутствует правовое регулирование отношений, складывающихся в процессе назначения и проведения судебно-медицинской генетической экспертизы по гражданским делам. Таким образом, рассмотрение

* Forensic Medical and Genetic Examination in a Civil Procedure

Abdulina Evgenia V., Associate Professor of the Department of Forensic Medicine of the Kirov State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation, Head of the Molecular Genetic Department of the Kirov Regional Bureau of Forensic Medical Examination
Candidate of Medical Sciences

Zykov Vyacheslav V., Associate Professor of the Department of Forensic Medicine of the Kirov State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation, Head of Zonal Department No. 2 of the Kirov Regional Bureau of Forensic Medical Examination, Candidate of Medical Sciences

вопросов теории и практики назначения, проведения и оценки результатов судебно-медицинской генетической экспертизы с точки зрения гражданского процесса является актуальным для российского общества.

Авторами статьи было проведено исследование путем анализа нормативно-правовых актов, регламентирующих порядок назначения и проведения судебно-медицинской генетической экспертизы, а также изучения судебной практики и обобщения опыта экспертных учреждений, осуществляющих данный вид экспертных исследований. Объектом исследования стали общественные отношения, которые возникают между судом и участниками гражданского судопроизводства в связи с назначением и проведением судебно-медицинской генетической экспертизы. Предмет исследования — правовое регулирование деятельности субъектов гражданского судопроизводства в процессе назначения, проведения и оценки результатов судебно-медицинской генетической (далее — генетической) экспертизы по гражданским делам. Цель исследования предполагает выявление основных проблем по регулированию деятельности судов и субъектов гражданского судопроизводства в процессе назначения и проведения генетической экспертизы, а также выработку рекомендаций по их разрешению.

В ходе исследования были выявлены проблемы процессуального характера, которые представляют собой пробелы в гражданском процессуальном законодательстве России.

При назначении генетической экспертизы судьи не располагают полными сведениями о ее видах и возможностях, возникают трудности при вынесении вопросов, подлежащих разрешению экспертом. Некоторые судьи назначают экспертизу в различные коммерческие организации, оказывающие медицинские услуги, но не имеющие лицензии на проведение судебно-медицинской генетической экспертизы. Зачастую эти организации осуществляют изъятие биологических образцов, направляют их почтой в генетические лаборатории научно-исследовательских организаций. Специалисты таких организаций не являются государственными экспертами, их не предупреждают об ответственности за дачу заведомо ложного заключения по ст. 307 УК РФ, не разъясняют им права и обязанности эксперта согласно ст. 85 ГПК РФ, что может повлечь оспаривание таких заключений.

Определенные проблемы вызывает назначение генетических экспертиз по гражданским делам по установлению дальнейшей степени родства, а также при оценке выводов заключения эксперта судом с точки зрения достаточности для бесспорного доказательства родства. Поскольку в выводах эксперта указывается не категоричный вывод, а величина достигнутой вероятности родства в процентах, необходимо определить, какая величина вероятности в процентах будет достаточна для подтверждения родства и окончания экспертного исследования. В настоящее время в соответствии с п. 84 Приказа Министерства здравоохранения и социального развития РФ «Об утверждении порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации» № 346н от 12 мая 2010 г. (зарегистрировано в Минюсте РФ 10 августа 2010 г. № 18111) такая величина установлена только для оценки вероятности близкого родства (отцовства и материнства).

С точки зрения соблюдения конституционных прав граждан требует рассмотрения процедура забора биологических образцов у лиц, проходящих по делу, в том числе несовершеннолетних. В настоящее время ГПК РФ не регламентирована надлежащая процедура забора биологических образцов, имеется лишь аналогичная процедура забора образцов для сравнительного исследования в ст. 202 УПК РФ с оформлением протокола забора образцов.

Существует проблема изъятия образцов при раздельной явке сторон в экспертное учреждение, поскольку одна сторона может поставить под сомнение личность другой стороны, сдавшей образец без ее присутствия. Это может повлечь

недоверие к заключению эксперта и признанию его недопустимым доказательством, что приведет к судебной ошибке¹.

Выявлен ряд проблем соответствия процедуры забора биологических образцов с предъявлением документов, удостоверяющих личность, требованиям Конституции РФ и Федерального закона № 152-ФЗ от 27 июля 2006 г. «О персональных данных». С точки зрения защиты персональных данных возникают вопросы правомерности фотографирования экспертным учреждением и приобщения фотографий лиц, проходящих по делу к заключению эксперта. С точки зрения дееспособности гражданина не урегулирован вопрос возраста, с которого гражданин может самостоятельно давать согласие на забор у него биологических образцов для проведения генетической экспертизы. Если считать процедуру отбора образцов крови медицинским вмешательством, то согласно ч. 2 ст. 54 ФЗ-323 от 21 ноября 2011 г. «Об охране здоровья граждан в Российской Федерации», несовершеннолетние в возрасте старше 15 лет имеют право на информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство или на отказ от него. Таким образом, недееспособное лицо старше 15 лет может отказаться от сдачи образцов крови для проведения генетической экспертизы.

В практике отделов экспертизы трупов бюро судебно-медицинской экспертизы нередко возникают случаи, когда родственники умерших обращаются в устной форме с просьбой изъять биологический материал до захоронения трупа для последующего проведения генетических исследований по установлению родства в целях получения пенсий по потере кормильца и возможности претендовать на наследство. При этом никаких документов от правоохранительных органов или суда, необходимых для правомерного изъятия биологических образцов трупа, не предоставляется, а действующими правовыми нормами не предусмотрен забор биологических образцов трупа по заявлению родственников. В нормативных документах отсутствуют методические рекомендации для судебно-медицинских экспертов отделений экспертизы трупов относительно правил и порядка изъятия биологических объектов для проведения генетических экспертиз и исследований, что может приводить к ошибочной тактике изъятия и потере важного, порой единственного пригодного исследуемого материала. Кроме того, отсутствуют данные о надлежащих условиях транспортировки и хранения биологического материала до момента исследования².

Анализ практики показал, что генетические экспертизы не того биологического объекта, который необходим для получения надлежащих результатов, а также неправильное его взятие, доставка и хранение приводили к получению ложных либо отрицательных результатов генотипирования³.

Таким образом, необходима разработка правил и процессуального порядка изъятия биологических объектов при исследовании трупов для проведения генетических экспертиз с учетом практического опыта проведения данных исследований.

Кроме того, встречаются ситуации, когда на момент обращения родственников трупы умерших оказываются захороненными и изъятие биологического материала трупа не представляется возможным. Единственным биологическим материалом, пригодным для исследования, являются парафиновые блоки с частицами органов трупа, которые хранятся в архиве гистологического отделения бюро СМЭ в течение трех лет. Законодательством также не предусмотрено изъятие таких образцов по заявлению граждан. В настоящее время порядок обращения с биологическими образцами из архива бюро СМЭ не регламентирован.

Таким образом, учитывая ежегодный рост числа подобных обращений граждан, необходимо рассмотрение вопроса о процессуальной возможности, порядке изъятия биологического трупного материала в отделах экспертизы трупов и из архивов бюро СМЭ для последующего направления его на генетическое исследование.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о наличии определенных проблем в области процессуаль-

ного порядка назначения, проведения и оценки результатов судебно-медицинской генетической экспертизы в гражданском судопроизводстве, требующих рассмотрения и внесения уточнений и дополнений в соответствующие нормативно-правовые акты.

Литература

1. Абдулина Е.В. Обязательная геномная регистрация в России глазами судебно-медицинского эксперта: проблемы и перспективы / Е.В. Абдулина, В.В. Зыков // Эксперт-криминалист. 2018. № 1. С. 3–6.
2. Абдулина Е.В. Особенности изъятия биологических объектов трупов для проведения генетических исследований по материалам уголовных и гражданских дел / Е.В. Абдулина, В.В. Зыков // Вятский медицинский вестник. 2018. № 1 (57). С. 34–37.

3. Комиссарова Я.В. О профессиональном статусе эксперта в Российской Федерации / Я.В. Комиссарова // Юридический вестник ДГУ. Т. 25. 2018. № 1. С. 124–128.
4. Холопова Е.Н. Добровольная геномная регистрации в Российской Федерации / Е.Н. Холопова, А.А. Иванова // Эксперт-криминалист. 2019. № 1. С. 15–18.

1. Zaitzeva P.V., Koshcheeva E.S. On the notion of judicial error // Journal of Fundamental and Applied Sciences. Vol. 9. No 15 (2017). URL: <http://www.jfas.info/index.php/jfas/article/view/2752/1555> (дата обращения: 14.02.2019).
2. Абдулина Е.В., Зыков В.В. Обязательная геномная регистрация в России глазами судебно-медицинского эксперта: проблемы и перспективы // Эксперт-криминалист. 2018. № 1. С. 3–6.
3. Абдулина Е.В., Зыков В.В. Особенности изъятия биологических объектов трупов для проведения генетических исследований по материалам уголовных и гражданских дел // Вятский медицинский вестник. 2018. № 1 (57). С. 34–37.

Своевременное информирование участника судопроизводства как гарантия реализации права при назначении и производстве судебной экспертизы*

Дьяконова Оксана Геннадьевна,

доцент кафедры криминалистики и уголовного процесса
Государственного социально-гуманитарного университета,
кандидат юридических наук, доцент
oxana_diakonova@mail.ru

В статье на основе анализа мнений ученых и практиков рассматривается вопрос о праве на ознакомление участников судопроизводства с постановлением или определением о назначении судебной экспертизы. Сделан вывод о законодательной неопределенности в закреплении момента ознакомления, что влечет нарушение прав заинтересованных участников судопроизводства. Предложен вариант исправления существующего положения, гарантирующий реализацию прав участников процесса.

Ключевые слова: судопроизводство, судебная экспертиза, права участников процесса, ознакомление с правами.

The article analyzes the opinions of scientists and practitioners to review the issue of the right of proceedings participants to get acquainted with a ruling or a decision on the commissioning of a forensic examination. The author concludes that there exists legal uncertainty as to the moment of acquaintance, which results in the violation of rights of the interested proceedings participants. The publication proposes an option of amendment of the existing situation guaranteeing enforcement of rights of the process participants.

Keywords: proceedings, forensic examination, rights of the process participants, familiarising with rights.

Лицо (орган), ведущее процесс, по собственной инициативе вправе в случаях, когда требуется решить какие-либо вопросы с использованием специальных знаний, обратиться к эксперту, специалисту. Свое решение указанные субъекты мотивируют в определении или постановлении, с которым, следуя букве закона, должны ознакомить лиц, заинтересованных в исходе дела, а также других участников процесса, которые оказываются вовлечены в производство экспертизы или процессуальное действие с участием специалиста. Данное право отдельно закреплено в ряде кодексов, например, УПК РФ, КоАП РФ, Налоговым кодексом РФ и др. Однако та

самая «буква закона» далеко не всегда четко определяет порядок этого ознакомления, что, как показывает практика, порождает массу сложностей. Заинтересованные в исходе дела участники процесса подчас лишены возможности реализовать свои права на этапе назначения судебной экспертизы.

В уголовном процессе данный вопрос стоит особенно остро. Так, по данным А.В. Рагулина, 72% из 500 опрошенных им адвокатов ответили, что ознакомление с постановлением о назначении судебной экспертизы происходило одновременно с заключением эксперта, что препятствовало реализации прав, установленных статьей 198 УПК РФ¹.

* Timely Informing of a Proceedings Participant as a Guarantee of Exercising of Rights in Case of Commissioning and Carrying out of a Forensic Examination

Dyakonova Oksana G., Associate Professor of the Department of Criminalistics and Criminal Procedure of the State University of Humanities and Social Studies, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Основная проблема при этом связана с моментом ознакомления, которое производится, как правило, после проведения исследования, а зачастую при ознакомлении с материалами дела в конце расследования. К сожалению, лица, осуществляющие уголовное преследование, не всегда прислушиваются к замечаниям Конституционного Суда РФ, отмечающего проблемы реализации данного права и признающего нарушения конституционных прав². На это обращает внимание и Верховный Суд РФ в постановлении Пленума от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам».

Положение ч. 3 ст. 195 УПК РФ, казалось бы, достаточно четко определяет обязанности следователя в указанной части, так как не имеет смысла знакомить субъектов с правами, предусмотренными статьей 198 УПК РФ, после того, как проведена экспертиза. Поскольку все перечисленные правомочия относятся к стадии назначения и производства экспертизы, ими (за исключением изложенного в п. 6 ч. 1 ст. 198 УПК РФ) невозможно воспользоваться после ее проведения.

Подобное положение без четкого указания на момент, когда необходимо провести ознакомление, содержится также в УПК Кыргызской Республики 2017 года.

В отличие от положения ч. 3 ст. 195 УПК РФ, в п. 1 ч. 1 ст. 247 УПК Республики Армения, п. 1 ч. 1 ст. 274 УПК Республики Казахстан прямо указано, что такое ознакомление должно производиться до проведения экспертизы. Хотя и это уточнение вряд ли можно считать достаточным. Поскольку постановление может быть уже отправлено в экспертную организацию, что способно помешать реализации других прав участников процесса, например, права на отвод эксперта или постановку дополнительных вопросов.

Большинство ученых полагают необходимым ознакомление участников процесса с определением / постановлением о назначении судебной экспертизы до начала ее производства³, а также признание недопустимым доказательством заключения эксперта, полученного с нарушением процессуального порядка, в том числе ст. 198 УПК РФ.

Однако некоторые авторы иначе подходят к проблеме ознакомления. Учитывая важность обеспечения объективного расследования, Т.Ф. Моисеева полагает недостаточно обоснованным требование закона об ознакомлении подозреваемого и обвиняемого со сведениями о конкретном эксперте, содержащимися в постановлении, поскольку на эксперта может быть оказано внешнее давление. Она предлагает представлять анонимную информацию об эксперте в целях обеспечения его безопасности⁴.

С учетом проблемы обеспечения безопасности эксперта предложение Т.Ф. Моисеевой выглядит вполне рациональным. Однако в большей степени отвечать духу состязательности судопроизводства будет возможность обращения к эксперту стороны защиты и приобщения полученного ею документа в качестве доказательства — заключения эксперта. Только при такой гарантированной законом возможности, на наш взгляд, можно допустить анонимность сведений относительно кандидатуры эксперта.

Анализируя практику, Н.Л. Леонтьева отмечает, что не всегда, когда формально нарушение предписаний ст. 198 УПК РФ имело место, нарушаются права фактически⁵. Она уточняет, что во многих примерах защита злоупотребляла своими правами в указанной части и пыталась «затянуть» процесс. При этом она не учитывает, что такого проявления «злоупотребления» можно избежать посредством своевременного и логичного выполнения требований ст. 198 УПК РФ.

Приводя в качестве примера Апелляционное определение Верховного Суда РФ, М.В. Горский и Д.И. Усачева считают естественным, когда суды не признают подобные нарушения существенными для признания заключения эксперта недопустимым доказательством, то и следователи не будут стремиться соблюдать положения закона, и выступают за признание такого заключения недопустимым доказательством⁶.

Соглашаясь с мнением Верховного Суда РФ о несущественности нарушения закона при несвоевременном

ознакомлении с постановлением о назначении судебной экспертизы, А.В. Шигуров утверждает, что данное нарушение не может быть основанием для исключения заключения судебной экспертизы как недопустимого доказательства. Но при этом он противоречит сам себе, предлагая дополнить ч. 2 ст. 75 УПК РФ: «К недопустимым доказательствам относятся... заключение эксперта, полученное в ходе судебной экспертизы, назначенной и проведенной с нарушением п. 1–5 ч. 1 ст. 198 УПК РФ»⁷.

В своих работах Л.В. Лазарева и В.Н. Исаенко отмечают, что российские суды следуют правовой позиции Европейского суда по правам человека, высказанной в Постановлении от 16 ноября 2006 г. по делу «Климентьев против России (Klimentyev v. Russia)», который не установил, исследовал доводы заявителей и обстоятельства дела, в действиях следователя нарушения ст. 6 Конвенции в части предоставления ему времени и возможности для подготовки своей защиты в связи с назначением и проведением экспертиз⁸.

Таким образом, по вопросу несвоевременного предоставления возможности ознакомления с постановлением о назначении экспертизы суды исходят из того, что такая несвоевременность не может быть отнесена к бездействию, которое может быть обжаловано в порядке ст. 125 УПК РФ.

С данным выводом согласиться сложно, так как УПК РФ не содержит прямого запрета на обжалование данного вида постановлений, поскольку эти действия следователя способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства. Тем не менее в разъяснениях Высшего Арбитражного Суда РФ (прекратил существование в 2014 г.) указывалось, что возражения по поводу назначения экспертизы (п. 17)⁹ могут быть обжалованы только вместе с приговором или иным итоговым судебным актом. Аналогичное положение, касающееся оценки заключения эксперта, содержится в п. 19 указанного выше Постановления Пленума ВС РФ № 28.

Отвечающим потребностям практики можно считать положения ч. 4 ст. 26.4 КоАП РФ и ч. 4 ст. 227 УПК Республики Беларусь, устанавливающие, что лицо, ведущее процесс, обязано ознакомить с постановлением / определением о назначении судебной экспертизы указанных в соответствующих статьях кодексов лиц, до направления его для исполнения.

А.Г. Пурс, С.В. Иванов, ссылаясь на приведенное положение ч. 4 ст. 277 УПК РБ, пишут, что в силу ч. 6 ст. 229 УПК РБ защитник также должен быть ознакомлен. Неотъемлемыми частями назначения экспертизы, как следственного действия, являются процесс ознакомления подозреваемого, обвиняемого, защитника с указанным постановлением и заявление ими отводов, ходатайств¹⁰.

Справедливости ради следует отметить, что в Госдуму ФС РФ 2 июля 2018 г. был внесен проект Федерального закона № 500607-7 «О внесении изменений в часть 3 статьи 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (об уточнении порядка назначения судебной экспертизы)»¹¹, но формулировка одного из положений вызывает вопросы.

Так, в тексте проекта содержится фраза: «В случае проведения судебной экспертизы при проверке сообщения о преступлении, а также в случаях, не терпящих отлагательства ее проведения или наличия иных объективных причин, по которым ознакомление указанных участников уголовного судопроизводства с постановлением о назначении судебной экспертизы до направления материалов уголовного дела для ее производства является невозможным, ознакомление производится при появлении для этого реальной возможности незамедлительно». Неясно, кто будет определять наступление «реальной возможности» и не придется ли в последующем суду оценивать, была ли реальная возможность у следователя обеспечить такое ознакомление.

При проверке сообщения о преступлении, как правило, нет субъектов, которых следователь обязан с чем-либо ознакомить, именно поэтому полагаем верным предоставить те права, которые имеют подозреваемый и обвиняемый в соот-

ветствии с ч. 1 ст. 198 УПК РФ, «лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении». Предоставление данных прав указанным участникам процесса исключит необходимость внесения приведенной выше формулировке в УПК РФ.

Представляется, следует конкретизировать п. 1 ч. 1 ст. 198 УПК: «Подозреваемый... вправе: 1) до направления постановления о назначении судебной экспертизы конкретному эксперту или в экспертное учреждение знакомиться с указанным постановлением, о чем составляется протокол». Данное положение должно быть закреплено и в отношении других заинтересованных в деле участников судопроизводства. При этом такое право необходимо предоставить заинтересованному лицу, независимо от вида судопроизводства, в тех случаях, когда экспертиза назначается лицом (органом), ведущим процесс. Что касается свидетеля, то в случаях, когда экспертиза назначается в отношении данного субъекта в уголовном процессе, он также должен быть наделен указанным правом.

Назначение судебной экспертизы в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве осуществляется в заседании суда, в связи с чем участники процесса имеют возможность ознакомиться с определением сразу после его вынесения. Проблема возникает в тех случаях, когда участник, надлежаще извещенный о месте и времени судебного заседания, не является в суд. С учетом положений АПК РФ и ГПК РФ по общему правилу в случае неявки надлежаще извещенного участника, не заявившего об уважительных причинах своего отсутствия, суд имеет право провести заседание и вынести определение без его участия. В этом случае предполагается, что этот участник проигнорировал вопрос о назначении экспертизы, что, собственно, является выражением его воли. Следовательно, если другая сторона настаивает на проведении экспертизы, либо суд ее назначает по собственной инициативе, полагаем справедливым не считать процессуальным нарушением назначение судебной экспертизы без участия того субъекта, который проигнорировал данное процессуальное действие.

Что касается ознакомления с постановлением / определением о привлечении специалиста для участия в процессуальном действии, данное право отдельно не установлено в российских процессуальных кодексах. Презюмируется, что указанные лица будут ознакомлены с кандидатурой специалиста при начале процессуального действия, например, при осмотре и исследовании доказательств. В этой связи может и не возникнуть проблем, связанных с отводом специалиста, поскольку участник процесса вполне может заявить об этом ходатайство до начала действия.

С учетом изложенного полагаем необходимым закрепление в процессуальном законе права заинтересованных участников процесса «знакомиться с определением / постановлением о назначении судебной экспертизы до его направления в экспертную организацию (эксперту) для исполнения, либо о привлечении специалиста к участию в процессуальном действии до начала его проведения».

Литература

1. Вдовин А.Н. Некоторые аспекты проведения экспертизы при расследовании незаконного оборота оружия / А.Н. Вдовин // Эксперт-криминалист. 2013. № 4. С. 5–7.
2. Горский М.В. Проблемы применения специальных знаний адвокатом-защитником в уголовном судопроизводстве / М.В. Горский, Д.И. Усачева // Материалы V Международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях» (г. Москва, 22–23 января 2015 г.). М., 2015. С. 145–148.
3. Исаенко В.Н. Об ознакомлении обвиняемого с постановлением о назначении судебной экспертизы / В.Н. Исаенко // Уголовное право. 2015. № 1. С. 129–134.
4. Лазарева В. Неознакомление защитника с постановлением о назначении экспертизы как основание

признания заключения эксперта недопустимым доказательством / В. Лазарева, А. Лапузин // Уголовное право. 2009. № 1. С. 99–104.

5. Лазарева Л.В. К вопросу о защите прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства при использовании специальных знаний / Л.В. Лазарева // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения : материалы международной научно-практической интернет-конференции. Иркутск, 16–30 апреля 2012 г. Иркутск, 2012. С. 98–105.
6. Моисеева Т.Ф. Дискуссионные аспекты процессуальной регламентации судебной экспертизы / Т.Ф. Моисеева // Криминалистика и судебная экспертиза: наука, обучение, практика. СПб., 2012. С. 374–375.
7. Пурс А.Г. Проблемы реализации права подозреваемого и обвиняемого на защиту при назначении и производстве судебной экспертизы / А.Г. Пурс, С.В. Иванов // Материалы V Международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях» (г. Москва, 22–23 января 2015 г.). М., 2015. С. 403–406.
8. Рагулин А.В. Некоторые проблемные вопросы правовой регламентации и практической реализации профессиональных прав адвоката-защитника на участие в назначении и производстве экспертиз / А.В. Рагулин // Эксперт-криминалист. 2012. № 2. С. 27–30.
9. Шигуров А.В. Проблемы участия адвоката-защитника в назначении судебной экспертизы на досудебном производстве по уголовному делу / А.В. Шигуров // Адвокатская практика. 2013. № 4. С. 15–19.

¹ Рагулин А.В. Некоторые проблемные вопросы правовой регламентации и практической реализации профессиональных прав адвоката-защитника на участие в назначении и производстве экспертиз // Эксперт-криминалист. 2012. № 2. С. 27–30.

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18.12.2003 № 429-О // Вестник КС РФ. 2004. № 3 ; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18.06.2004 № 206-О // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.02.2019) ; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 04.11.2004 № 430-О // Вестник КС РФ. 2005. № 2 ; Определение Конституционного Суда Российской Федерации РФ от 15.11.2007 № 762-О-О // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.02.2019).

³ См., напр.: Лазарева В., Лапузин А. Неознакомление защитника с постановлением о назначении экспертизы как основание признания заключения эксперта недопустимым доказательством // Уголовное право. 2009. № 1. С. 99–104 ; Вдовин А.Н. Некоторые аспекты проведения экспертиз при расследовании незаконного оборота оружия // Эксперт-криминалист. 2013. № 4. С. 5–7.

⁴ Моисеева Т.Ф. Дискуссионные аспекты процессуальной регламентации судебной экспертизы // Криминалистика и судебная экспертиза: наука, обучение, практика. СПб., 2012. С. 374.

⁵ Леонтьева Н.Л. Последствия несвоевременного ознакомления обвиняемого с постановлением о назначении экспертизы // URL: <http://www.livelawyer.ru/ugolovnyj-protsess/rassledovanie/item/381-posledstviy-nesvoevremennogo-oznakom> (дата обращения: 15.05.2018).

⁶ Горский М.В., Усачева Д.И. Проблемы применения специальных знаний адвокатом-защитником в уголовном судопроизводстве // Материалы V Международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях» (г. Москва, 22–23 января 2015 г.). М., 2015. С. 147.

⁷ Шигуров А.В. Проблемы участия адвоката-защитника в назначении судебной экспертизы на досудебном производстве по уголовному делу // Адвокатская практика. 2013. № 4. С. 15–19.

⁸ Лазарева Л.В. К вопросу о защите прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства при использовании специальных знаний // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения : материалы международной научно-практической интернет-конференции. Иркутск, 16–30 апреля 2012 г. Иркутск, 2012. С. 103 ; Исаенко В.Н. Об ознакомлении обвиняемого с постановлением о назначении судебной экспертизы // Уголовное право. 2015. № 1. С. 129–134.

⁹ О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе : Постановление Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 № 23 // Вестник ВАС РФ. 2014. № 6.

¹⁰ Пурс А.Г., Иванов С.В. Проблемы реализации права подозреваемого и обвиняемого на защиту при назначении и производстве судебной экспертизы // Материалы V Международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях» (г. Москва, 22–23 января 2015 г.). М., 2015. С. 403.

¹¹ Сайт СОЗД, URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/500607-7> (дата обращения: 14.08.2018).

К вопросу об исследовании подписи по электрофотографическим копиям документов*

Мещеряков Владимир Алексеевич,
заведующий кафедрой судебной экспертизы
и криминалистики Центрального филиала
Российского государственного университета правосудия,
доктор юридических наук, профессор
netshuttle@mail.ru

Пошвин Алексей Леонидович,
старший преподаватель кафедры судебной экспертизы и криминалистики
Центрального филиала Российского государственного университета правосудия
poschvin@mail.ru

Цурлуй Олеся Юрьевна,
доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики Центрального филиала
Российского государственного университета правосудия,
кандидат юридических наук
kijalis@yandex.ru

В статье рассматривается возможность исследования подписей и реквизитов документов в рамках почерковедческих и судебно-технических экспертиз по электрофотографическим копиям. Раскрыта специфика проведения экспертных исследований почерка по электрофотографическим копиям документов с опорой на анализ практики. Сделан вывод о невозможности в современных условиях избежать использования электрофотографических копий документов в качестве объектов почерковых экспертных исследований.

Ключевые слова: электрофотографические копии, почерковедческая экспертиза, исследование документов, подпись, почерк.

The article reviews the opportunity for the analysis of signatures and document details in the course of handwriting, forensic and technical examinations using electrophotographic copies. The authors give specifics of carrying out of expert handwriting analysis using electrophotographic document copies based on the experience analysis. The publication concludes that there is no possibility to avoid the use of electrophotographic document copies as objects of handwriting expert examinations in the modern conditions.

Keywords: electrophotographic copies, handwriting examination, document analysis, signature, handwriting.

Рассматриваемый в статье вопрос обусловлен ростом числа преступлений в сфере экономики, расследование которых тесно связано с экспертными исследованиями документов, выступающих предметами, средствами преступлений, а также содержащих имеющие значение для расследуемого преступления сведения, приобретаемых в качестве вещественных доказательств и иных документов в материалах уголовного дела.

В большинстве случаев в силу различных субъективных и объективных причин в поле деятельности органов предварительного расследования попадают именно копии документов, изготовленные способом электрофотографии (лазерные принтеры, копировальные аппараты, многофункциональные устройства). При этом получение оригиналов документов, содержащих значимую с точки зрения доказывания информацию, как правило, затруднено или невозможно. В подобных ситуациях единственная возможность получе-

ния доказательственной информации связана с изучением электрофотографических копий. Одновременно возникает проблема, обусловленная методикой проведения экспертных исследований, предполагающей в качестве объектов использования оригиналов.

В связи с этим мнения специалистов в области почерковедческих и судебно-технических экспертиз документов разделились. Имеются две взаимоисключающие точки зрения по данному вопросу — полное непринятие электрофотографических копий в качестве объектов экспертного исследования либо использование таковых с выдачей полноценного заключения эксперта.

Прежде чем перейти к анализу аргументов участников дискуссии, обратимся к понятию электрофотографической копии.

Становление электрофотографии, как правило, связывают с именем Честера Карлсона (США), который в 1939 г.

* On Signature Analysis Using Electrophotographic Document Copies

Mescheryakov Vladimir A., Head of the Department of Forensic Examination and Criminalistics of the Central Branch of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Professor

Poshvin Aleksey L., Senior Lecturer of the Department of Forensic Examination and Criminalistics of the Central Branch of the Russian State University of Justice

Tsurluy Olesya Yu., Associate Professor of the Department of Forensic Examination and Criminalistics of the Central Branch of the Russian State University of Justice, Candidate of Legal Sciences

запатентовал новый способ фотографии, названный им ксерографией (от греч. *xeroh* — сухой). Впоследствии термин «ксерокс» был запатентован фирмой «RANK XEROX» и должен применяться только для аппаратов этой фирмы и копий, полученных на них. Во всех остальных случаях, если нет уверенности, что копии получены на устройствах фирмы «RANK XEROX», следует применять термин «электрофотография». В связи с этим в иностранной литературе часто встречаются термины «фотокопия», «фотокопировальное оборудование» по отношению к электрофотографическому процессу¹.

Электрофотография основывается на свойствах некоторых классов веществ (так называемых фотополупроводников — аморфный кремний, селен, окись цинка, сульфат кадмия, органические полупроводники) удерживать при отсутствии актиничного освещения на своей поверхности избыточный электростатический заряд, который при освещении отдельных участков поверхности нейтрализуется (стекает), оставаясь при этом практически без изменений на участках, не подвергшихся действию излучения².

Процесс получения копий электрофотографическим способом можно разделить на пять этапов³:

1. Активация фоторецептора в коронном разряде, для чего фоторецептор в темноте или при неактиничном освещении пропускают под коронирующим устройством. При этом поверхности фоторецептора сообщается избыточный заряд. При условии, что фоторецептор не освещается, такой заряд может сохраняться на его поверхности достаточно долгое время. В настоящее время спектр используемых материалов для изготовления фоторецепторов достаточно узок. В основном это органические фотополупроводниковые материалы с приблизительно одними и теми же характеристиками. Однако фирма UTAH выпускает электрофотографические устройства с фоторецептором на основе аморфного кремния. Отличительной особенностью таких фоторецепторов является их повышенная тиражестойчивость. Коронирующие устройства также представлены практически двумя типами — подпружиненная гребенка или натянутая проволока (система проволок).

2. Экспонирование фоторецептора светом соответствующего спектрального состава, в результате чего на освещенных участках, где появляется фотопроводимость слоя, заряды стекают через металлическую подложку, а на неосвещенных участках остаются в первоначальном количестве, представляя собою скрытое электростатическое изображение. Этот этап определяет способ формирования изображения (аналоговый или цифровой) и цветность — монохромное (черно-белое) или цветное (полноцветное).

3. Проявление скрытого изображения тонером, несущим заряд противоположного знака, чем заряд поверхности фоторецептора. Частицы тонера прилипают к участкам поверхности фоторецептора, несущим остаточный заряд, образуя видимое изображение. Электрофотографический тонер может быть: а) однокомпонентным — порошок черной или цветной легкоплавкой смолы с минимальными размерами частиц до 7 мкм; б) двухкомпонентным — смесь порошка с носителем (стеклянная, полимерная или металлическая дробь); в) в виде взвеси частиц пигмента в неполярном растворителе (для жидкостного проявления).

4. Перенос проявленного изображения на материал (бумага, картон, полимерная пленка) или на промежуточный носитель (по аналогии офсетным способом печати в полиграфии).

5. Закрепление изображения на материале происходит путем размягчения частиц смолы (при термическом закреплении или закреплении в парах растворителя) или проникновения тонера в толщу подложки (при жидкостном проявлении).

Следует также обозначить виды электрофотографического копирования. К ним относятся: непосредственное (прямое, непереносное) и косвенное (переносное). В первом случае копии получают непосредственно на электрофото-

полупроводниковой бумаге. Во втором — с использованием промежуточного носителя информации — «посредника», которым служат полированный металлический лист (обычно алюминиевый), цилиндр или гибкая лента, покрытая слоем фотополупроводника (например, аморфным селеном, селенидом или сульфидом кадмия)⁴. Проявленное с помощью наэлектризованного красящего порошка, оно затем переносится на обычную бумагу, кальку или иной носитель копии. Процесс закрепления изображения такой же, как при непосредственном электрофотографическом копировании, осуществляется в электрофотографических аппаратах с применением промежуточных носителей информации и получением копий на обычных бумагах, а также в аппаратах с получением копий на электрофотополупроводниковой бумаге⁵.

Таким образом, электрофотографическое копирование обеспечивает высокое качество электрофотографических копий и близкое сходство с оригиналом.

Учитывая изложенное, сторонники экспертного исследования электрофотографических копий говорят о том, что практики давно пришли к выводу, что объективную оценку выявленных признаков почерка при исследовании различного рода изображений подписей, полученных с использованием множительной техники (в том числе печатающих устройств ЭВМ, черно-белых и цветных, факсимильных аппаратов и др.), могут дать эксперты, обладающие знаниями не только в области судебного почерковедения, но и в области технико-криминалистического исследования документов. В связи с этим особенности исследования данного вида объектов почерковедческих экспертиз требуют полномасштабного отражения в методике⁶.

Противоположное мнение сводится к тому, что достоверно установить факт внесения изменений в текст, надписи, подписи и реквизиты документа по электрофотографическим копиям с помощью технико-криминалистических методов не представляется возможным⁷. Связано это с большой долей вероятности ошибочных выводов экспертов по следующим основным причинам⁸:

— по электрофотографическому изображению невозможно доказать факт существования рукописных записей, поскольку они могут быть симитированы с применением технических средств;

— невозможно установить, были ли исследуемые записи (подписи) выполнены в оригинале документа, копия которого представлена на экспертизу, либо внесены в данную копию документа путем монтажа;

— невозможно установить факт предварительной технической подготовки записи (подписи);

— вероятность выявления и правильной оценки диагностических признаков (в том числе нажимных, ритмических и иных характеристик почерка) является минимальной в связи с их нивелированием или искажением в изображениях, изготовленных с применением копировально-множительных устройств;

— по изображению невозможно установить ряд важных идентификационных признаков;

— по изображению невозможно дифференцировать природу происхождения отдельных признаков (обусловлено ли их появление особенностями письменно-двигательного навыка исполнителя или спецификой работы копировально-множительных устройств).

Поскольку нельзя доказать существование оригинала подписи, представленной на исследование в виде ксерокопии, потому степень обоснованности категорических положительных выводов об исполнителе оригинала подписи по результатам анализа ксерокопии документа не является достаточной. Соответственно, подобные выводы из экспертной практики надо исключать.

Однако сторонники данной точки зрения допускают возможность использования копий документов в качестве объектов экспертных исследований в случае, когда оригиналы уничтожены или найти их не представляется возможным:

«При этом эксперт-почерковед должен учесть все нюансы, связанные с исследованием копий, и знать особенности данного исследования»⁹.

В Письме Министерства юстиции РФ указано, что ограниченная пригодность изображения подписи не исключает, в случаях исследования экспертом хороших по качеству копий и достаточной информативности самих подписей, возможность принятия категорических решений в отношении исполнителя оригинала¹⁰.

Закономерности отображения признаков почерка в копии, определяющие пределы соответствия копии и оригинала, следует искать экспериментальным путем. Экспериментальные исследования должны быть направлены:

— на разработку методов определения факта копии с учетом различных способов ее получения, а также пригодности копии с учетом ее качества и объема для решения идентификационных и диагностических задач судебно-почерковедческой экспертизы;

— выяснение возможностей и условий решения диагностических задач (с учетом их видов) по копиям с созданием соответствующих методов;

— разработку критериев принятия идентификационных решений с учетом качества копии, объема рукописного объекта и проявлений диагностических признаков;

— выяснение возможностей исследования копий подписей, смонтированных из разных частей подлинных подписей¹¹.

Научные и методические основы почерковедческих исследований изображений почерковых объектов остаются теми же, что и при исследовании всех рукописных объектов. Однако в отношении изображений необходимы дополнительные знания: а) о технологии получения изображений; б) об устойчивых признаках почерка, всегда отображающихся в копиях; в) о признаках, подверженных искажению и маскировке; г) о закономерностях отображения в копиях конкретных признаков почерка, позволяющих эксперту знать, как эти признаки в копии выглядят. Эти знания должны стать методической основой судебно-почерковедческой экспертизы и войти в программу обучения экспертов-почерковедов (в части исследования электрофотографических изображений).

Объективная реальность такова, что электрофотографические копии могут и должны использоваться в качестве объектов экспертного исследования. Однако необходимо достичь единообразия в подходах к экспертному исследованию данных объектов и отразить их в методике производства почерковедческих экспертиз. Исследование подобных объектов должно быть комплексным с использованием познания в области почерковедения и в области исследования реквизитов документов.

Литература

1. Архипова К.А. Почерковедческое исследование по электрофотографическим копиям / К.А. Архипова // Человек и общество. Вып. 3. 2016. С. 52–54.
2. Белоусов А.Г. Исследование денежных билетов, ценных бумаг и документов, изготовленных средствами электрофотографии : методические рекомендации / А.Г. Белоусов, Г.Г. Белоусов, А.С. Медведев, Е.В. Стариков. М. : ЭКЦ МВД России, 1997. 37 с.

3. Елагина Е.В. Качество подготовки судебной экспертизы — условие обеспечения качества ее производства / Е.В. Елагина, А.Г. Харатишвили // Российский следователь. 2015. № 20. С. 31–35.
4. Ефремова М.В. Производство судебно-почерковедческой экспертизы по электрофотографическим копиям. Информационное письмо / М.В. Ефремова, В.Ф. Орлова, А.Д. Старосельская. М., 2005. 13 с.
5. Ильин Н.Н. Возможности комплексного исследования видеоизображений / Н.Н. Ильин // Российский следователь. 2017. № 5. С. 11–15.
6. Кудрявцев П.А. Актуальные вопросы реализации полномочий следователя по истребованию и изъятию предметов и документов на этапе возбуждения уголовного дела / П.А. Кудрявцев // Российский следователь. 2015. № 16. С. 8–13.
7. Соколов С.В. Экспертно-криминалистическое исследование факсимильных копий почерковых объектов. Информационное письмо / С.В. Соколов, Е.А. Куранова, Е.В. Розанкова. М. : ГУ ЭКЦ МВД России, 2000. 8 с.
8. Сысоева Л.А. Актуальные проблемы современной судебно-почерковедческой экспертизы / Л.А. Сысоева // Современные проблемы теории и практики криминалистического исследования документов : тезисы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции. Волгоград, 2007. С. 179–184.
9. Техничко-криминалистическая экспертиза документов : учебник / под ред. заслуженного юриста РФ, доцента, к.ю.н. А.А. Проткина. М. : Московский университет МВД России, 2014. 365 с.
10. Харин О. Современная электрофотография : учебное пособие / О. Харин, Э. Сувейздис. М. : Московский государственный университет печати, 2002. 316 с.

¹ Белоусов А.Г., Белоусов Г.Г., Медведев А.С., Стариков Е.В. Исследование денежных билетов, ценных бумаг и документов, изготовленных средствами электрофотографии: методические рекомендации. М. : ЭКЦ МВД России, 1997. С. 4 ; Техничко-криминалистическая экспертиза документов : учебник / под ред. заслуженного юриста РФ, доцента, к.ю.н. А.А. Проткина. М. : Московский университет МВД России, 2014. С. 92–93.

² Белоусов А.Г., Белоусов Г.Г., Медведев А.С., Стариков Е.В. Указ. соч. С. 4 ; Соколов С.В., Куранова Е.А., Розанкова Е.В. Экспертно-криминалистическое исследование факсимильных копий почерковых объектов. Информационное письмо. М. : ГУ ЭКЦ МВД России, 2000. С. 4–5.

³ Белоусов А.Г., Белоусов Г.Г., Медведев А.С., Стариков Е.В. Указ. соч. С. 4 ; Харин О., Сувейздис Э. Современная электрофотография : учебное пособие. М. : Московский государственный университет печати, 2002.

⁴ Харин О., Сувейздис Э. Указ. соч.

⁵ Там же.

⁶ Сысоева Л.А. Актуальные проблемы современной судебно-почерковедческой экспертизы // Современные проблемы теории и практики криминалистического исследования документов : тезисы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции. Волгоград, Волгоградская Академия МВД России, 2007. С. 181.

⁷ Архипова К.А. Почерковедческое исследование по электрофотографическим копиям // Человек и общество. 2016. Вып. 3. С. 53.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 54.

¹⁰ Ефремова М.В., Орлова В.Ф., Старосельская А.Д. Производство судебно-почерковедческой экспертизы по электрофотографическим копиям. Информационное письмо. М., 2005. С. 12.

¹¹ Там же.

Уважаемые авторы!

Просим вас тщательно проверять перед отправлением в редакцию общую орфографию статей, а также правильность написания соответствующих юридических терминов, соблюдение правил научного цитирования и наличие необходимой информации. Обращаем ваше внимание на то, что автор несет личную ответственность за оригинальность текста, а также за достоверность приведенных данных и точность цитируемых текстов.

Механизм возникновения и описание диагностических признаков в оттисках полиграфической продукции (на примере флексографии)*

Казакова Светлана Евгеньевна,

доцент кафедры исследования документов
Учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
fany_5@mail.ru

Соловьева Наталья Алексеевна,

заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики
Волгоградского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
solovieva_na@volsu.ru

Начиная со второй половины XX века совершенствование технической и физико-химической стороны печатного процесса позволило перейти к новым материалам на основе натурального, а затем и искусственного каучука. Естественно, это вносит изменения в процесс полиграфического производства, включая появление новых видов материалов печатных форм, способов их подготовки, типографских красящих веществ и иных расходных материалов. Это влечет изменение диагностических признаков, появляющихся в оттисках печатных форм, влияющих на процесс криминалистического исследования разного рода документов.

Ключевые слова: полиграфия, флексография, диагностические признаки.

Starting from the second half of the XX century, the improvement of technical, physical and chemical aspects of printing has enabled transfer to new materials based on natural and then artificial rubber. Of course, this has changed the printing process including origination of new types of materials, printing forms, preparation means, printing colors and other consumables. It has led to the change in diagnostic attributes appearing in printed products, which affects the process of criminalistic research of various document types.

Keywords: printing, flexography, diagnostic attributes.

Флексографская печать — одна из современных модификаций традиционного способа высокой прямой печати. При этом используются эластичные (реже — резиновые, чаще — фотополимерные) рельефные печатные формы. После их закрепления на формных цилиндрах различных размеров с помощью вращающегося валика, растриванного цилиндра и жидкой или пастообразной быстровысыхающей низковязкой печатной краски изображение переносится с форм на запечатываемый материал любого вида, даже и на не впитывающие материалы. Таким образом, флексография вобрала в себя преимущества высокой и офсетной печати и исключила недостатки данных способов¹.

В качестве фотоформы в процессе используется прямой негатив, который при контакте с формным материалом, созданным на основе фотополимеризуемого слоя, освещается УФ-лучами. В результате засвечиваемые участки, соответствующие печатным элементам, затвердевают, а неэкспонированные участки, соответствующие пробельным элементам, нет. В дальнейшем они вымываются, образуя пробельные элементы фотоформы, как и при традиционном способе высокой печати (см. рис. 1).

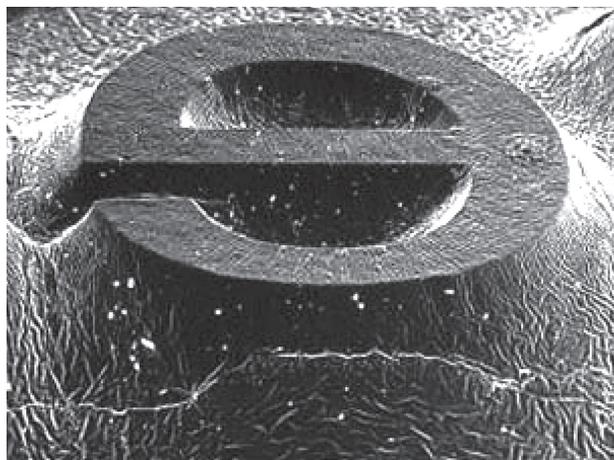

Рис. 1. Увеличенное изображение фрагмента фотоформы для флексографской печати

* The Mechanism of Origination and Description of Diagnostic Attributes in Printed Products (on an Example of Flexography)

Kazakova Svetlana E., Associate Professor of the Department of Document Review of the Academic Complex of Expert and Criminalistic Activities of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
Solovyeva Natalya A., Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Volgograd State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Изначально в 50-х годах прошлого века в США для этих целей попробовали применять эластичные резиновые формы, используемые для производства резиновых печатей и штампов. Они и стали родоначальниками флексографии. Изготавливали их из эластичного материала растительного происхождения — каучука. В дальнейшем для снижения затрат при производстве основой для изготовления резиновых печатных форм стали синтетический каучук, а впоследствии фотополимеры².

Росту и расширению областей применения флексографии способствовали низкая себестоимость изготовления печатных форм для разновидности способа высокой печати, применяемой в области упаковочной продукции, где не требуется высокое качество оттисков. Сегодня этот вид печати занимает на рынке упаковочной отрасли до 7%, а во всей полиграфической отрасли — около 70%. Усовершенствования, постоянно появляющиеся в этой области фотополимерных материалов, растровых валов из различных материалов, ракелей и красок разного химического состава, расширяют области применения флексографской печати.

Для повышения качества передаваемого изображения были созданы особо тонкие многослойные формные материалы. Принцип многослойности печатных форм позволяет улучшать качество получаемых текстовых и иллюстративных изображений за счет уменьшения растискивания краски при печати. Это приводит к отсутствию забивания краской пробельных участков печатной формы и, соответственно, улучшает градиционную передачу полутонов на оттиске.

Новые модификации печатных форм создаются для трех основных поверхностей: гибкой упаковки, бумажных этикеток и гофрированного картона. Гибкая подложка играет роль основы печатной формы. Она состоит из смеси текстильных волокон и разных сортов резины (в зависимости от модификации способа печати для конкретного печатного клише).

Такие свойства, как жесткость, толщина и твердость, влияют на конечный результат получаемого изображения с печатной формы. Снижение толщины более жестких форм позволяет более четко передавать изображение, требующее повышенной резкости, печать штрихов и текста оптимально осуществлять более гибкими печатными формами.

По способам изготовления печатных форм для флексографии различают:

1. Негативное копирование, когда используются фотополимерные пластины с толщиной, лежащей в диапазоне от 0,76 мм до 6,5 мм. Такое разнообразие позволяет варьировать и степень жесткости печатных форм.

При экспонировании через негатив на формной пластине формируется рельеф в виде прозрачных и непрозрачных участков. Непрозрачные в результате полимеризации затвердевают, а прозрачные удаляются промыванием водой. В результате внести впоследствии изменения в получившуюся копию невозможно. То есть изготовление такой печатной формы — одноразовый процесс.

Нужно учитывать, что при быстром экспонировании процесс сплошной полимеризации печатной формы не успевает пройти через всю ее толщину и на оборотной стороне основания пластины может не сформироваться четкий контурный рельеф необходимого изображения.

2. Технология *Computer to Plate* относится к более современным способам записи изображения. С помощью лазерной засветки исключают необходимость использования негативных пленок, что позволяет на выходе получить более резкие и плотные изображения. Это существенно улучшает качество цветной печати по разным параметрам³.

Технология *Computer to Plate* обеспечивает процесс изготовления печатной формы методом прямой записи цифрового изображения с помощью лазерного луча на формный материал. Сканирование может быть как однолучевым, так и многолучевым. Сверху формная пластина покрыта слоем черного цвета, который разрушается под воздействием лазерного луча, и на печатной форме появляется изображение

в виде точек. Таким образом, слой черного цвета, покрывающий печатную форму, выполняет функцию негатива.

Данный метод не является прямым лазерным гравированием печатной формы. Каждая пластина на выходе является оригиналом, изготовленным с одних и тех же цифровых данных. Получаемые с такой печатной формы оттиск или изображение характеризуются высокой точностью воспроизведения.

3. Технология прямого лазерного гравирования (LEP) предусматривает использование специальной полимерной пластины из несветочувствительного эластомера, имеющего повышенную твердость. Преимущество данной технологии заключается в быстрой обработке полимера с помощью современного и мощного ИК-лазера, проводящего прямое лазерное гравирование пробельных элементов на печатной форме. Прямая передача с компьютера данных, заложенных в макет для производства печатной формы, исключает возможность их искажения.

Главным достоинством данной технологии является постоянный контроль глубины рельефа и профиля растровых точек, что сводит на нет вероятность потери мельчайших деталей. После гравирования с формы удаляются частички пыли с помощью обдува или промывки водой. Изготовленные печатные формы имеют высокую тиражестойкость.

Слабым местом этого метода является повышенное требование к видам печатных красок.

Микроскопическое исследование объектов, изготовленных с помощью флексографской печати, позволило выделить, наряду с классическими признаками высокой печати, следующие диагностические признаки, присущие именно флексографии⁴:

- 1) отсутствие деформации бумаги в местах расположения красочных штрихов;
- 2) по периметру штриха красочный бортик отсутствует, однако наблюдается рантовая край;
- 3) ровные края штриха;
- 4) отсутствие зернистости красочного слоя;
- 5) красочный слой средний по толщине;
- 6) закругленность контура угловатых элементов;
- 7) по ширине штриха краска в основном скапливается по краям с промежуточным пробелом, в середине краски очень мало или ее почти нет;
- 8) отсутствие мелких точек-марашек на чистом поле листа бумаги.

За счет получаемого качественного изображения флексография в настоящее время стала применяться и при печати продукции, снабженной элементами защиты. Примером могут служить акцизные марки на алкогольную продукцию и полимерная денежная купюра достоинством 100 рублей, выпущенная к чемпионату мира по футболу 2018 года (рис. 2).

Рост количества фальсифицированной товарной продукции требует более глубокого и тщательного изучения

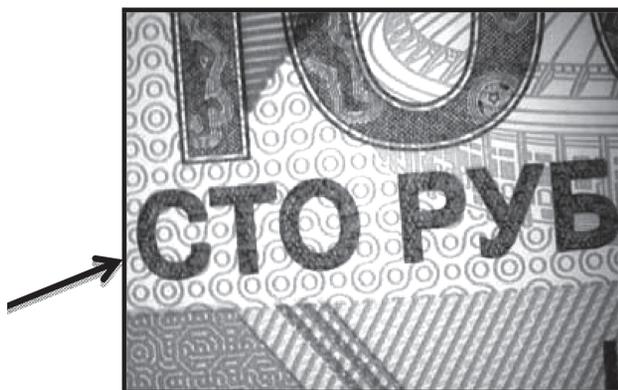

Рис. 2. Элемент защиты, выполненный флексографией на сторублевой полимерной купюре 2018 года выпуска

всех современных модификаций традиционных способов полиграфической печати. Знание их особенностей позволит выделить комплексы диагностических признаков, характеризующих конкретную модификацию того или иного способа печати.

Литература

1. Дронова О.Б. Ситуационный подход к технико-криминалистическому обеспечению расследования преступлений на потребительском рынке / О.Б. Дронова // Эксперт-криминалист. 2016. № 3. С. 6–8.
2. Першин А.Н. Исследование документов: ретроспективный анализ / А.Н. Першин // Эксперт-криминалист. 2013. № 3. С. 6–8.
3. Подволоцкий И.Н. К вопросу о необходимости использования специальных знаний при осмотре доку-

ментов / И.Н. Подволоцкий // Эксперт-криминалист. 2010. № 4. С. 25–28.

4. Стефанов С.И. Полиграфия от А до Я. Энциклопедия / С.И. Стефанов. М. : Издательство URSS, 2014. 560 с.
5. Техничко-криминалистическая экспертиза документов : учебник / под ред. В.Е. Ляпичева, Н.И. Шведовой. 2-е изд., стереотип. Волгоград : ВА МВД России, 2013. 268 с.

¹ Дронова О.Б. Ситуационный подход к технико-криминалистическому обеспечению расследования преступлений на потребительском рынке / О.Б. Дронова // Эксперт-криминалист. 2016. № 3. С. 6–8.

² Стефанов С.И. Полиграфия от А до Я. Энциклопедия. М. : Издательство URSS, 2014. С. 128.

³ Стефанов С.И. Указ. соч. С. 135.

⁴ Техничко-криминалистическая экспертиза документов / под ред. В.Е. Ляпичева, Н.И. Шведовой. 2-е изд., стереотип. Волгоград : ВА МВД России, 2013. С. 190.

Использование методов филологического анализа в процессе идентификации языковой личности представителей китайской национальности*

Татарина Лариса Викторовна,
доцент Иркутского государственного университета,
кандидат филологических наук
lorata@mail.ru

Шестепова Елена Лукинична,
генеральный директор Байкальского центра
судебных экспертиз и графоанализа
elena.shestepova@mail.ru

В статье предпринята попытка проведения авторизации текста на материале китайского письма с использованием методов лингвистического анализа. Исследование, проводимое авторами, направлено на выявление специфических языковых особенностей, отличающих одни тексты от других, на основе которых можно установить авторство текста. Результаты описываемого лингвистического эксперимента указывают перспективы идентификации личности в рамках автороведческой экспертизы, учитывая феномен «национальной языковой личности».

Ключевые слова: национальная языковая личность, авторизация текста, лингвистические (филологические) методы анализа текста, судебная лингвистическая экспертиза.

The article attempts at the establishment of the author of a text based on Chinese writing using the linguistic analysis methods. The research carried out by the authors is aimed at identifying of specific linguistic peculiarities distinguishing texts, based on which one can establish the text's authorship. The results of the described linguistic experiment outline personality identification prospects within the framework of an authorship examination considering the phenomenon of a national linguistic identity.

Keywords: national linguistic identity, establishment of the text author, linguistic (philological) text analysis methods, forensic linguistic examination.

Интерес к изучению и идентификации письменной языковой личности на примере китайского письма обусловлен развитием методов филологического анализа в рамках авторизации текста, что является актуальным и перспективным направлением в судебной лингвистике, затрагивая также такие области, как семиотика, когнитивная лингвистика, социолингвистика, психолингвистика, графология.

Центральное место в проведенном исследовании занимает понятие письменной языковой личности, так как идентификация личности по тексту чаще всего проводится в рамках

автороведческой экспертизы. Существуют и другие термины, которые используют для обозначения процесса определения автора текста, в частности, атрибуция текста, идентификация личности по тексту, авторизация текста. Объектом автороведческой экспертизы является письменная речь, которая представляет собой индивидуальную совокупность языковых средств, реализуемых в процессе порождения текста ее автором. Отсюда и определение личности как языковой и письменной¹.

Для нашего исследования необходимо также рассмотреть понятие «национальная языковая личность», так как

* The Use of Philological Analysis Methods in Identification of the Linguistic Identity of Representatives of the Chinese Nationality
Tatarina Larisa V., Associate Professor of the Irkutsk State University, Candidate of Philological Sciences
Shestepova Elena L., CEO of the Baikal Center for Forensic Examinations and Graphical Analysis

его объектом является китайское письмо. Национальный язык — это сложное системное единство, в котором запечатлена историческая память народа. Индивидуальность мышления и психики проявляется в структуре национально-языка и в речевом поведении его носителей. Распознать национальную принадлежность личности можно по ее речевым характеристикам на базе эталонных данных конкретного языка². Очевидно, что изучение письменной языковой личности помогает понять особенности знакового воплощения личности и в дальнейшем значительно облегчить процесс идентификации языковой личности.

Знаковое воплощение в нашем контексте предполагает семиотику иероглифического письма. Иероглифические знаки содержат дополнительную знаковую информацию на образном уровне. В иероглифе каждая черта имеет определенный структурный смысл и предметную семантику. Передача информации при помощи изображений в пиктографическом и идеографическом письме обусловила обобщенность и взаимообусловленность письменной культуры, философии и науки³.

Для теоретического обоснования практической части нашего исследования целесообразно кратко ознакомиться с методами филологического анализа, которые послужили инструментом для работы с текстами. Так, Н.С. Болотнова, опираясь на цель филологического анализа — показать через обусловленность формы и содержания текста и их соответствие замыслу автора культурологический статус текста, обращает внимание на ряд особенностей филологического анализа. Среди них мы выделяем: отражение интереса к языковым средствам как форме выражения наших мыслей и чувств в разных сферах общения; изучение языковой личности, стоящей за текстом, ее стиля и взгляда на мир⁴. Данные особенности связаны с лингвистическим аспектом анализа, используемого в исследовательских и методических целях.

Основная задача лингвистического анализа текста — изучение языковых средств разных уровней языковой системы, включая функционально-эстетическую сторону, а также индивидуальную манеру письма автора⁵. Учитывая, что лингвистический анализ предполагает интерпретацию языковых средств, актуализируемых в процессе порождения текста автором, следует отметить, что он, как часть филологического анализа, очень часто используется для авторизации текста. Е.И. Галашина⁶ предлагает методы авторизации текста, позволяющие исследовать его на пяти языковых уровнях: 1) пунктуационном; 2) орфографическом; 3) синтаксическом; 4) лексико-фразеологическом; 5) стилистическом.

При анализе языкового материала мы использовали данный подход. Кроме этого, мы учитывали так называемые языковые маркеры, которые присущи индивидуальным особенностям языка (идиолект), проявляющиеся на разных языковых уровнях: 1) форматирование или оформление самого доку-

мента (пробелы, поля и т.д.); 2) пунктуация всех типов; 3) написание (все различные варианты написания слов и ошибки); 4) словообразование; 5) синтаксис (структура предложения, связи между ними и т.д.); 6) лексическая вариативность (выбор фраз и слов); 7) семантическая вариативность (семантические особенности слов, фраз и предложений); 8) функциональная вариативность использования языка (сочетание структуры и функции); 9) признаки языковой интерференции⁷.

При реализации практической части исследования нам потребовалось провести лингвистический эксперимент, целью которого стала апробация методов филологического анализа для атрибуции текста, учитывая специфику иероглифического письма. Участниками эксперимента стали 7 этнических китайцев, обучающихся в Иркутском государственном университете. (До начала эксперимента им было предложено заполнить анкеты, в которых они дают согласие на обработку и использование в научно-исследовательской работе написанного ими образца текста.)

Для проведения исследования нами был выбран такой вид письменной работы, как сочинение, ибо оно представляет собой совокупность предложений, связанных единым смыслом, в котором отражаются все индивидуальные речевые особенности автора и, как правило, высказывается личное мнение. Такой своеобразный корпус текстов служит хорошим языковым материалом для идентификации языковой личности. Главный вопрос, на который мы пытались ответить в ходе эксперимента: есть ли специфические языковые особенности, отличающие одни сочинения от других, на основе которых можно установить авторство текста.

Представителям китайской национальности было предложено написать по два сочинения объемом не менее 250 иероглифов на тему: «Мое первое путешествие» (我第一次旅游) и «Моя самая большая мечта» (我最大梦想). Ориентируясь на мнение А.Н. Баранова, мы выбрали следующую ситуацию для типовых случаев авторизации текста «Сравнение по образцу». Для этого необходимо иметь пример текста (текстов) некоторого автора «X» и установить, является ли он автором другого текста (текстов)⁸.

Приведем для примера (рис. 1) лингвистическое исследование письменных текстов одного из авторов (автор № 1).

Тексты автора написаны в художественном стиле, на что указывают следующие признаки: использование тропов, фразеологизмов, а также эмоционально-окрашенной, тематической лексики. Анализ текстов, написанных данным автором, позволяет определить индивидуальные особенности письма автора.

В первую очередь бросается в глаза необычная пунктуация. В иероглифическом тексте слова, словосочетания, имена собственные, служебные слова пишутся иероглифами одинакового формата и на одинаковом расстоянии друг от друга.

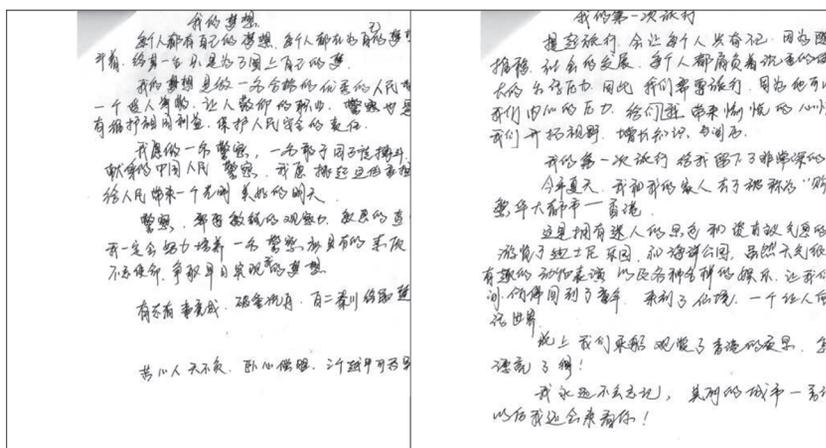

Рис. 1. Сочинения (текст «А» и текст «В» соответственно) одного из авторов на заданные темы

Для завершения предложения ставится (。), для разделения однородных членов предложения служит каплевидная запятая (、), а остальных случаях — обычная запятая (,).

Тексты «А» и «В» разделены на шесть смысловых параграфов. При этом у автора отсутствуют знаки, характерные для китайского письма, перечисленные выше. В обоих сочинениях автор использует обычные точки, как для смыслового разделения предложения, так и для завершения предложения. Также для автора характерно употребление восклицательных знаков в заключении, выполняющих интонационно-экспрессивную функцию, которые помогают автору передать свои эмоции, а читателю прочувствовать их.

На лексико-фразеологическом уровне мы наблюдаем употребление большого количества фразеологизмов и крылатых выражений.

Текст «А»: 歹徒搏斗 — брать злодеев голыми руками; 有志者 事竟成 — кто хочет, тот всего добьется; 苦心人天不负 — невозможно сломить человека, у которого есть мечта; 卧薪尝胆 — не боясь лишений, не останавливаться перед трудностями. Текст «В»: 仙境 — Райская обитель.

Лексический состав китайского языка обычно характеризуется наличием большого числа взаимозаменяемых синонимов и антонимов. Стоит отметить, что в названии сочинения было задано слово «旅游» — путешествие, но автор решил употребить его синоним «旅行» — поездка (четыре словоупотребления). «旅游» и «旅行» — это взаимозаменяемые синонимы. В тексте «В» присутствует большое количество прилагательных-синонимов к слову «красивый»: 繁华 — роскошный, 迷人 — очаровательный, 美丽 — изящный, 漂亮 — красивый.

Специфические языковые особенности автора	Автор № 1	Автор № 2	Автор № 3	Автор № 4	Автор № 5	Автор № 6	Автор № 7
Стиль текста							
Художественный стиль	+			+	+	+	+
Художественный стиль с использованием конструкций разговорного стиля		+	+				
Оформление самого документа							
Членение текста на параграфы	6	5	-	4	3	3	3
Поля	-	-	+	-	-	+	+
Пунктуационный уровень							
Восклицательный знак	+	-	-	-	-	-	-
Вопросительный знак	-	-	-	+	-	-	-
Многоточие	-	+	-	-	-	-	-
Синтаксический уровень							
Предложения, осложненные различными синтаксическими конструкциями	+	-	-	+	+	+	+
Синтаксические конструкции разговорного стиля	-	+	+	-	-	-	-
Эмоционально-смысловое выделение компонентов эмпфаза	-	-	+	-	-	-	-
Стилистическая инверсия	-	-	-	-	-	+	-
Употребление большого числа союзов и предлогов	-	+	+	-	-	-	-
Использование безличных предложений	-	+	-	-	-	-	-
Лексико-фразеологический уровень							
Фразеологизмы	+	-	-	-	-	-	+
Использование взаимозаменяемых синонимов	+	+	-	-	-	-	-
Модальные глаголы и наречия	-	-	+	-	-	+	-
Стилистический уровень							
Эпитеты	+	-	-	-	-	-	+
Явное сравнение	+	-	-	-	+	-	-
Метафора	-	-	-	+	-	+	-
Значительная экспрессивная окраска текста	+	-	-	-	+	-	-

Рис. 2. Сводная таблица особенностей авторского стиля участников исследования (знаком «+» отмечены совпадения в текстах «А» и «В»)

Одной из особенностей текстов автора на стилистическом уровне является употребление устойчивых эпитетов. Это стилистический прием, который отмечает субъективную, индивидуальную характеристику предмета, лица, события, факта, действия, процесса. Преимущественно эпитет выражается прилагательным, но также может выражаться и другими частями речи, а также фразами и законченными предложениями⁹.

В тексте «А»: 重担 — тяжкое бремя; 光明美好的明天 — светлое будущее; 努力奋斗 — отчаянная борьба. В тексте «В»: 非常深的印象 — глубокий след.

Помимо эпитетов, в тексте «В» автор употребляет такой троп, как явное сравнение: «仿佛回到了童年» — «как будто вернулась в детство» с предлогом 仿佛. Также автор употребляет метафору 童话世界 — мир детства. Наличие изобразительно-выразительных средств, к каким относятся вербальные тропы (эпитеты, сравнения, метафоры и т.д.), подтверждает мысль о специфике национального речевого выражения, которая ярче всего раскрывается в их анализе.

Китайский язык — это изолирующий язык, в котором ни одна из морфологических форм слова не говорит о его синтаксических функциях и синтаксических связях. Для реализации синтаксических связей используется строгий порядок слов и служебные слова. В китайском языке значение единицы в конкретном контексте может быть определено только по относительной синтаксической позиции единицы в предложении. На синтаксическом и орфографическом уровнях мы не наблюдаем у автора характерных ошибок, порядок слов строгий (подлежащее — сказуемое — дополнение).

Таким образом, по результатам проведенного лингвистического и последующего интерпретационного анализа нами были сделаны выводы о том, что данные тексты выполнены коренным представителем Китая с высшим образованием. Данное предположение возможно благодаря отсутствию ошибок в тексте. Тексты автора могут быть авторизованы за счет характерного употребления знаков препинания, обильного употребления фразеологических и стилистических средств. Помимо этого, текстам данного автора свойственна высокая степень эмоциональности за счет употребления изобразительно-выразительных средств китайского языка.

Рассмотренные индивидуальные особенности автора наблюдаются в обоих текстах. Это подтверждает гипотезу, что автор обладает такими специфическими языковыми особенностями, которые отличают одни сочинения от других, на основе которых можно установить авторство текста.

В данном случае проведенное нами исследование текстов по образцу можно считать успешным.

Аналогичным способом были проанализированы тексты других авторов. Результаты лингвистического анализа всего языкового материала мы свели в единую таблицу (см. табл. 1).

Мы провели автороведческое исследование на всех языковых уровнях для того, чтобы более тщательно определить характерные языковые средства, которые использует автор. Более того, при анализе мы прибегли к некоторым маркерам, проявляющимся на разных уровнях языковой системы. Выделенные особенности текстов участников эксперимента помогли нам справиться с процедурой авторизации текста. В ходе лингвистического эксперимента мы выяснили, что процедура авторизации текста может считаться успешной при наличии в текстах специфических особенностей на всех языковых уровнях. Только за счет полного рассмотрения формально-функциональных основ языка и различных стилистических средств, используемых автором, можно говорить о результативности проведения процедуры идентификации языковой личности.

Оказалось, что в пяти случаях из семи исследование текстов по образцу можно считать успешным, в остальных случаях (авторы № 2, 3) для полной объективности проведения процедуры авторизации текста потребуется дополнительный лингвистический материал, так как показатели в графе

«Стилистический уровень» отрицательные. Это означает, что оба автора пренебрегли изобразительно-выразительными лексическими средствами, что лишает письменные тексты эмоциональной тональности и усложняет задачу выявления индивидуальных особенностей их языка, а значит, и идентификации языковой личности. Подобные ситуации не позволяют выявить специфику стиля автора без, собственно, стилистического уровня. Не исключено, что в некоторых случаях этот признак может быть знаковым.

Подводя итог нашему лингвистическому эксперименту, отметим, что его результаты совершенно ожидаемы, поскольку авторами анализируемых речевых произведений выступают разные языковые личности. Мы сделали попытку проведения авторизации текста на материале китайского письма и показали, что это возможно с применением методов лингвистического анализа, который предполагает наличие специальных знаний применительно к судебной лингвистической экспертизе, где в качестве метаязыка выступает тот же естественный язык, однако строится он как терминологическая система¹⁰.

Заметим, в задачи нашего исследования не входило изучение особенностей написания китайских письменных знаков — иероглифов, поскольку это сфера графологии, но в комплексе с лингвистическим исследованием данная интеграция двух областей специальных знаний позволяет оптимизировать и объективизировать автороведческую экспертизу в целом.

Литература

1. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста / А.Н. Баранов. М. : Флинта, 2007. 592 с.
2. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста : учебное пособие / Н.С. Болотнова. М. : Флинта : Наука, 2009. 520 с.
3. Галяшина Е.И. Основы судебного речеведения : монография / Е.И. Галяшина. М. : Стэнси, 2003. 236 с.
4. Лисовцева В.М. Экспертиза текста: психологический и лингвистический аспекты / В.М. Лисовцева, Л.Г. Петрова // Эксперт-криминалист. 2014. № 3. С. 26–29.
5. Назарова Т.В. Возможности современной лингвистической экспертизы, проводимой в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации / Т.В. Назарова, А.В. Громова // Эксперт-криминалист. 2017. № 4. С. 26–28.
6. Наумов В.В. Лингвистическая идентификация личности / В.В. Наумов. М. : КомКнига, 2006. 240 с.
7. Чубина Е.А. Использование специальных лингвистических знаний в арбитражном судопроизводстве : проблемные моменты / Е.А. Чубина // Эксперт-криминалист. 2015. № 2. С. 31–33.
8. McMenamin G. Forensic Linguistics : Advances in Forensic Stylistics / G. McMenamin. London : CRC Press, 2002. 360 p.

¹ Галяшина Е.И. Основы судебного речеведения : монография. М. : Стэнси, 2003. С. 99.

² Наумов В.В. Лингвистическая идентификация личности. М. : КомКнига, 2006. С. 73.

³ URL: <http://pdf.knigi-x.ru/21raznoe/67523-1-problema-metodiki-analiza-ob-raza-semantiki-rannih-kitayskih-ieroglifov-provatorova-o.php/> (дата обращения: 17.01.2019).

⁴ Болотнова Н.С. Филологический анализ текста : учебное пособие. М. : Флинта : Наука, 2009. С. 27.

⁵ Там же. С. 32.

⁶ Галяшина Е.И. Указ. соч. С. 99.

⁷ McMenamin, G. Forensic Linguistics: Advances in Forensic Stylistics. London: CRC Press. 2002. P. 121.

⁸ Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. М. : Флинта, 2007. С. 484.

⁹ URL: <https://docplayer.ru/26787598-Stilistika-pervogo-inostrannogo-yazyka-kitayskiy-yazyk-konspekt-lekciy.html/> (дата обращения: 17.01.2019).

¹⁰ Чубина Е.А. Использование специальных лингвистических знаний в арбитражном судопроизводстве: проблемные моменты // Эксперт-криминалист. 2015. № 2. С. 31–33.

ДОМ, В КОТОРОМ МЫ ЖИВЕМ...

По инициативе Председателя Следственного комитета А.И. Бастрыкина в рамках реализации Концепции развития криминалистической деятельности в мае 2018 года в структуре Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) было создано управление научно-исследовательской деятельности (научно-исследовательский институт криминалистики). В состав НИИ криминалистики вошли два отдела — отдел исследования проблем методик расследования преступлений и отдел исследования проблем технико-криминалистического и экспертного сопровождения расследования преступлений.

К числу основных задач нового подразделения относятся: осуществление научного обеспечения деятельности СК России в сфере применения криминалистики; внедрение в деятельность СК России достижений науки, криминалистической и специальной техники, положительного опыта раскрытия и расследования преступлений, в том числе зарубежного; разработка методики расследования отдельных видов преступлений и тактики производства следственных действий.

Несмотря на то что новое подразделение находится в стадии становления, его сотрудники активно включились в работу Главного управления криминалистики. Ведут исследовательскую работу по ряду перспективных научных направлений криминалистического обеспечения деятельности следственных органов СК России. Принимают участие в научно-практических форумах. Готовят публикации для научных журналов по актуальным вопросам предварительного следствия, требующим своего разрешения. Осуществляют взаимодействие с учеными ведущих вузов в области разработок прикладного характера, прежде всего криминалистических и судебно-экспертных.

Возглавляет управление научно-исследовательской деятельности доктор юридических наук, доцент, полковник юстиции А.А. Бессонов. Все сотрудники имеют богатый опыт научной деятельности в сфере исследования различных аспектов и проблемных вопросов криминалистического сопровождения предварительного следствия, а также многолетний практический опыт работы в следственных органах и судебно-экспертных учреждениях, который позволяет видеть нерешенные проблемы «изнутри», планировать перспективные направления исследовательской деятельности. Тесное взаимодействие с работниками следствия обеспечивает не только выявление проблем, требующих научного анализа, но и оперативное внедрение полученных результатов в следственную практику.

Вниманию читателей предлагаются статьи сотрудников НИИ криминалистики Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) СК России по различным аспектам криминалистического сопровождения расследования преступлений.

К вопросу о понятии криминалистического мышления*

Бессонов Алексей Александрович,

руководитель управления научно-исследовательской деятельности
(научно-исследовательского института криминалистики)
Главного управления криминалистики (Криминалистического центра)
Следственного комитета Российской Федерации,
профессор кафедры криминалистики Московской академии
Следственного комитета Российской Федерации,
доктор юридических наук, доцент, полковник юстиции
bestallv@mail.ru

Статья посвящена сущности криминалистического мышления, являющегося важным элементом профессионализма работников следствия и судебных экспертов. На основе анализа существующих определений понятия «криминалистическое мышление» сформулировано авторское определение этого термина. Изложенные выводы и рекомендации послужат основой для научных положений теории криминалистического мышления.

Ключевые слова: криминалистическое мышление, профессиональное мышление следователя.

The article is devoted to the essence of forensic thinking, which is an important element of the professionalism of investigators and forensic experts. Based on the analysis of the existing definitions of the concept «forensic thinking», the author's definition of this term is formulated. The above findings and recommendations will serve as the basis for the scientific propositions of the theory of forensic thinking.

Keywords: forensic thinking, professional thinking of the investigator.

* On the Concept of Criminalistic Thinking

Bessonov Aleksey A., Head of the Research Directorate (Research Institute of Criminalistics) of the Chief Criminalistic Directorate (Criminalistic Center) of the Investigative Committee of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminalistics of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor, Colonel of Justice

Ошибки в деятельности по расследованию преступлений и производству судебных экспертиз очень дорого обходятся обществу, особенно отдельным его членам. Яркими индикаторами просчетов выступают нераскрытые преступления и оправдательные приговоры. Как представляется, одна из ключевых причин — недостаточный уровень развития либо вовсе отсутствие криминалистического мышления.

О феномене криминалистического мышления в деятельности по расследованию преступлений впервые в середине прошлого века вопрос поднял немецкий ученый Ганс Вальдер (Hans Walder)¹. Из современных зарубежных исследователей можно указать:

— американского частного детектива и репортера Дона Рэя (Don Ray)², который употребляет термин «Investigative Mindset» в широком понимании — применительно к следственной и детективной деятельности;

— канадских ученых Рода Геля (Rod Gehl) и Даррэла Пликаса (Darryl Plecas)³, использующих в качестве синонимов категории «Investigative Mindset» и «Investigative Thinking» по отношению к работе следователя;

— группу австралийских исследователей, которым принадлежит термин «Thinking Forensics», применяемый по большей части к судебным экспертам⁴.

Среди российских ученых, детально изучавших криминалистическое мышление, прежде всего нужно выделить Н.П. Яблокова, а также В.Г. Коломацкого, А.Б. Соколова, Д.А. Степаненко и др.

При этом в настоящий момент имеет место скорее постановка проблемы необходимости разработки теории криминалистического мышления, нежели сформированный комплекс научных положений теоретического и прикладного характера. Общепринятого определения понятия «криминалистическое мышление» в современной криминалистической науке пока не имеется.

В 90-е годы прошлого столетия профессор В.Г. Коломацкий, обозначая выработку криминалистического мышления в качестве ведущей задачи обучения криминалистике, указал, что его основы составляет «умение на основе комплексного, в первую очередь криминалистического, анализа информации о расследуемом событии оценить следственную ситуацию, определить механизм совершения преступления, систему следов и иных источников доказательственной информации, отражающих его, проанализировать и оценить добытую информацию, выдвинуть версии и принять обоснованное ситуацией тактическое решение о выборе оптимального варианта алгоритма методики расследования»⁵.

Опираясь на труды основателей криминалистики Г. Гросса и Э. Анушата, профессор Н.П. Яблоков криминалистическое мышление следователя определяет как мыслительную систему, основанную на приемах логики, психологии и других наук, позволяющую осуществлять расследование более выверено и рационально, быстро выявлять значимые следы преступления, вещественные доказательства, иную криминалистически важную для дела информацию, контролировать систематически и тщательно ход своих мыслей и действий⁶.

Говоря о криминалистическом мышлении, А.Б. Соколов предлагает понимать под ним интеллектуальную деятельность лица, осуществляющего проверку сообщения о преступлении и производство предварительного расследования, которая выражается в познании значимых явлений, событий и фактов объективной действительности с учетом имеющихся знаний, их осмыслении, проектировании модели результата при выборе оптимального решения в организационно-тактическом плане на определенный момент⁷.

Частично не соглашаясь с этой точкой зрения ввиду неполного охвата алгоритма мыслительной деятельности следователя, А.С. Князьков видит криминалистическое мышление последнего как сложную мыслительную деятельность по оперированию аналитическими криминалистическими средствами в ходе исследования события, содержащего признаки состава преступления⁸.

По мнению Д.А. Степаненко, криминалистическое мышление — это ядро профессионального мышления следователя, процесс познавательной деятельности, заключающийся в отражении события преступления (прежде всего его «следовой картины»), обусловленного поиском причинно-следственных связей, взаимозависимостей, взаимообусловленностей элементов его системы в целях реконструкции события преступления, сбором доказательственной и иной криминалистически значимой информации в разных следственных ситуациях при помощи традиционного научно-познавательного инструментария на основе имеющихся знаний и практического опыта для решения профессиональных задач и достижения целей уголовного судопроизводства⁹.

Не предлагая собственной дефиниции рассматриваемого понятия, П.А. Шамшиев выделяет следующие его основные элементы: охватывающий юридические и другие науки комплекс знаний и навыков, представляющий собой технику, имеющий целью систематизацию и организацию эффективных мыслительных процессов для анализа информационно неопределенных ситуаций и обеспечение взвешенности и сбалансированности следователя¹⁰.

В зарубежной теории и практике расследования преступлений криминалистическое мышление — это, как правило, развивающееся с опытом работы состояние ума, техника принятия следователем решений (Investigation Decision Making). Такой подход к данному виду мышления обуславливает наличие в практических руководствах по расследованию конкретных рекомендаций по его применению. Например, в практическом руководстве по доктрине расследования от 2005 года (ACPO (2005) Practice advice on Investigation Doctrine), изданном Ассоциацией руководителей полиции и Национальным центром полицейской деятельности Великобритании, в качестве содержания криминалистического мышления в деятельности по расследованию преступных деяний указаны следующие элементы:

— понимание источников криминалистически значимой информации, их природы и характеристик;

— навыки планирования, исследовательской и аналитической работы;

— использование собственных знаний, помощи специалистов и возможностей судебной экспертизы в познании события преступления и интерпретации смысла всех элементов его системы (прежде всего «следовой информации»);

— умение принять меры к фиксации, изъятию и обеспечению сохранности вещественных доказательств и иных сведений о преступлении;

— владение комплексной оценкой всей полученной информации¹¹.

Примечательным является тот факт, что проблемы криминалистического мышления (Investigative Thinking) нередко в странах Европы включаются в качестве исследовательской темы в судебную психологию (Investigative или Forensic Psychology)¹².

Также интерес представляет видение рассматриваемой категории упомянутыми канадскими учеными, которые под криминалистическим мышлением (Investigative Thinking) понимают специально выработанный навык мыслительной деятельности с высоким уровнем самоконтроля и преднамеренного анализа с целью стратегического планирования расследования, позволяющий сформировать следователю «ментальную карту» своего движения в процессе этой деятельности для решения ее задач¹³.

Анализ изложенного позволяет прийти к выводу о том, что в качестве ключевых элементов криминалистического мышления исследователи отмечают следующее: а) это интеллектуальная деятельность; б) осуществляется в уголовном судопроизводстве при расследовании преступлений; в) опирается на знания, необходимые для деятельности по расследованию преступлений; г) имеет своей целью познание исследуемого события для принятия значимых решений.

В целом представляется возможным согласиться с такой позицией, однако с некоторыми замечаниями.

Думается, отправной точкой рассуждений необходимо избрать определение мышления, под которым в психологии понимают процесс обобщенного и опосредованного познания объективной реальности, состоящий в обнаружении неявных отношений между составляющими ее объектами и явлениями путем взаимодействия с ними¹⁴. Основным методом и предметом познания выступает понимание, заключающееся в постижении смысла (значения) всего того, что вовлекается в этот процесс¹⁵.

Сущность и содержание криминалистического мышления задается сферой деятельности, в которой оно реализуется. При этом объектом познания при производстве расследования выступает конкретная преступная деятельность и связанные с ней явления объективной реальности. В свою очередь, преступление представляет собой систему элементов, связанных как между собой, так и с элементами внешних по отношению к нему явлений.

Связь различных явлений с преступлением обусловлена: а) фактом его существования (причины и условия ему способствовавшие, сопутствующие ему обстоятельства, даже события из сферы духовной и культурной жизни, например, при расследовании экстремистских и террористических преступлений); б) деятельностью по его расследованию (противодействие расследованию, следственные ситуации и проч.).

Криминалистическое мышление как интеллектуальная деятельность представляет собой не только познание расследуемого события на основе имеющихся криминалистических знаний, но и навыки применения этих и даже более широкого круга знаний в практической деятельности, что предполагает необходимость организации этого мыслительного процесса.

При расследовании преступлений логико-эвристический процесс базируется в первую очередь на знаниях и опыте, а нередко также и на интуиции — в ситуациях информационной неопределенности в мышлении следователя акцент перемещается с логического на интуитивный уровень, а качество интуитивного мышления улучшается с увеличением опыта следственной деятельности¹⁶.

Наконец, что касается субъектов криминалистического мышления, то к ним, помимо следователя, относятся и другие участники производства расследования — дознаватель, следователь-криминалист, должностные лица, руководящие в определенных рамках этим процессом, — руководитель следственного органа, начальник подразделения и органа дознания, а также в некоторых случаях специалист и эксперт. Вести в определении понятия криминалистического мышления речь о его направленности на решение задач расследования представляется нецелесообразным, поскольку это имманентное свойство перечисленных субъектов, происходящее из их процессуального положения и выполняемых функций в уголовном судопроизводстве.

Таким образом, по нашему мнению, криминалистическое мышление — это обусловленное знаниями, опытом и интуицией умение субъекта производства расследования и некоторых содействующих ему лиц организовывать собственный логико-эвристический процесс, направленный на постижение смысла отразившейся в объективной реальности информации о криминальном и связанных с ним событиях, выявление связей между ними и составляющими их внутреннее содержание элементами с целью получения истинных (то есть полных, объективных и всесторонних) знаний о них, в конечном итоге облекаемых в форму доказательств в рамках уголовного судопроизводства.

Думается, что в рассматриваемом контексте содержание криминалистического мышления составляют: теоретические знания криминалистики и других наук, необходимых для расследования преступлений и производства судебных экспертиз; умения и навыки применения этих знаний в прак-

тической деятельности; развитые под решение задач расследования преступлений и судебно-экспертной деятельности логика, внимание, память, интуиция, эвристические и прогностические способности; профессиональный и жизненный опыт.

Основываясь на тезисе профессора Р.С. Белкина о важной роли криминалистики в профессиональном становлении представителей следственной деятельности¹⁷, можно обозначить значение криминалистического мышления, заключающееся в формировании у них системы взглядов, убеждений и принципов, обеспечивающих сознательный, творческий и инициативный подход к решению задач расследования преступлений.

Литература

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации / Р.С. Белкин. М.: Юристъ, 1997. 480 с.
2. Волчецкая Т.С. Российский и американский подходы к изучению феномена «криминалистическое мышление» / Т.С. Волчецкая, П.А. Шамшиев, Е.В. Краснов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. Вып. 9. С. 93–100.
3. Гуляихин В.Н. Правовое мышление как регулятор социального поведения / В.Н. Гуляихин, С.В. Широ // Юридическое образование и наука. 2015. № 3. С. 31–35.
4. Егоров В.А. Формирование профессионально-аналитического мышления студентов образовательного учреждения юриспруденции: автореф. дис. ... канд. педагог. наук / В.А. Егоров. Липецк, 2006. 23 с.
5. Князьков А.С. Роль Н.П. Яблокова в формировании концепции криминалистического мышления / А.С. Князьков // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Заслуженного деятеля науки РФ, Заслуженного юриста РСФСР, доктора юридических наук, профессора Николая Павловича Яблокова. Москва, 22 декабря 2015 г. / ред.-сост. М.А. Лушечкина. М.: МАКС Пресс, 2015. С. 63–67.
6. Коломацкий В.Г. Курс криминалистики (дидактика и методика): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В.Г. Коломацкий. М., 1992. 29 с.
7. Михайлов С.В. Психологические особенности мышления следователя в ситуациях неопределенности ориентиров поиска при решении профессиональных задач: автореф. дис. ... канд. психолог. наук / С.В. Михайлов. М., 2006. 22 с.
8. Нуркова В.В. Общая психология: учебник для вузов / В.В. Нуркова, Н.Б. Березанская. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство «Юрайт», 2019. 524 с.
9. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. СПб.: Питер, 2019. 713 с.
10. Соколов А.Б. Криминалистическое мышление: понятие и содержание / А.Б. Соколов // Психопедagogика в правоохранительных органах. 2013. № 4 (55). С. 68–72.
11. Степаненко Д.А. К вопросу об определении категории «криминалистическое мышление» / Д.А. Степаненко // Российский следователь. 2016. № 7. С. 13–17.
12. Столяренко Л.Д. Основы психологии: учебное пособие / Л.Д. Столяренко. М.: Проспект, 2012. 464 с.
13. Шамшиев П.А. Взгляды на содержание криминалистического мышления / П.А. Шамшиев // III Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: материалы международной научно-практической конференции. Калининград: Калининградский филиал СПбУ МВД России, 2015. С. 215–217.

14. Яблоков Н.П. К вопросу о криминалистическом мышлении / Н.П. Яблоков // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. статей. Ч. 54 / под ред. С.А. Елисева, Л.М. Прокументова, В.А. Уткина, О.И. Андреевой, М.К. Свиридова, Н.С. Дергача. Томск : Издательство Томского университета, 2012. С. 156–159.
15. Edmond, G., Towler, A., Growns, B., Ribeiro, G., Found, B., White, D., Ballantyne, K., Searston, R., B. Thompson, M., Tangen, J., Kemp, R., Martire, K. (2017). Thinking forensics: Cognitive science for forensic practitioners. *Science & Justice*, 57 (2), 144–154.
16. Gehl Rod, Plecas Darryl. Introduction to Criminal Investigation: Processes, Practices and Thinking. New Westminster, BC: Justice Institute of British Columbia, 2016. 286 p.
17. Maver, Darko. (2013). Criminal Investigation / Criminalistics in Europe: State of the Art and a Look to the Future. *Revija za kriminalistiko in kriminologijo*, 3, 233–244.
- ¹ Волчещкая Т.С., Шамшиев П.А., Краснов Е.В. Российский и американский подходы к изучению феномена «криминалистическое мышление» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. Вып. 9. С. 95.
- ² Волчещкая Т.С., Шамшиев П.А., Краснов Е.В. Указ. соч. С. 97–98 ; Ray D. Information-gathering Strategies: The Investigative Mindset. URL: <http://www.media.ba/en/journalism-techniques-strategic-communication-campaigns-investigative-journalism-communications-1> (дата обращения: 29.03.2019).
- ³ Gehl Rod, Plecas Darryl. Introduction to Criminal Investigation: Processes, Practices and Thinking. New Westminster, BC: Justice Institute of British Columbia, 2016. 286 p.
- ⁴ Edmond, G., Towler, A., Growns, B., Ribeiro, G., Found, B., White, D., Ballantyne, K., Searston, R., B. Thompson, M., Tangen, J., Kemp, R., Martire, K. (2017). Thinking forensics: Cognitive science for forensic practitioners. *Science & Justice*, 57 (2), 144–154. DOI 10.1016/j.scijus.2016.11.005.
- ⁵ Коломацкий В.Г. Курс криминалистики (дидактика и методика) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992. С. 10.
- ⁶ Яблоков Н.П. К вопросу о криминалистическом мышлении // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. статей. Ч. 54 / под ред. С.А. Елисева, Л.М. Прокументова, В.А. Уткина, О.И. Андреевой, М.К. Свиридова, Н.С. Дергача. Томск : Издательство Томского университета, 2012. С. 156–157.
- ⁷ Соколов А.Б. Криминалистическое мышление: понятие и содержание // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 4 (55). С. 69.
- ⁸ Князьков А.С. Роль Н.П. Яблокова в формировании концепции криминалистического мышления // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Заслуженного деятеля науки РФ, Заслуженного юриста РСФСР, доктора юридических наук, профессора Николая Павловича Яблокова. Москва, 22 декабря 2015 г. / ред.-сост. М.А. Лушечкина. М. : МАКС Пресс, 2015. С. 65.
- ⁹ Степаненко Д.А. К вопросу об определении категории «криминалистическое мышление» // Российский следователь. 2016. № 7. С. 16–17.
- ¹⁰ Шамшиев П.А. Взгляды на содержание криминалистического мышления // III Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии» : материалы международной научно-практической конференции. Калининград : Калининградский филиал СПбУ МВД России, 2015. С. 217.
- ¹¹ ACPO (2005) Practice advice on Investigation Doctrine. P. 60–63. URL: <http://library.college.police.uk/docs/acpo/Core-Investigative-Doctrine.pdf> (дата обращения: 29.03.2019).
- ¹² Maver, Darko. (2013). Criminal Investigation / Criminalistics in Europe: State of the Art and a Look to the Future. *Revija za kriminalistiko in kriminologijo*, 3, 239.
- ¹³ Gehl Rod, Plecas Darryl. Introduction to Criminal Investigation: Processes, Practices and Thinking. New Westminster, BC: Justice Institute of British Columbia, 2016. P. 9–10.
- ¹⁴ См.: Нуркова В.В., Березанская Н.Б. Общая психология : учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство «Юрайт», 2019. С. 416 ; Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2019. С. 309–311 ; Столяренко Л.Д. Основы психологии : учебное пособие. М. : Проспект, 2012. С. 112.
- ¹⁵ Большой психологический словарь. 4-е изд., расширенное / сост. и общ. ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. М. : АСТ: АСТ МОСКВА; СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2009. С. 481–482.
- ¹⁶ Михайлов С.В. Психологические особенности мышления следователя в ситуациях неопределенности ориентиров поиска при решении профессиональных задач : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2006. С. 20–21.
- ¹⁷ Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М. : Юристъ, 1997. С. 446.

Размер изображения как критерий пригодности для идентификации лиц, зафиксированных на видеозаписи*

Бондаренко Павел Викторович,

руководитель отдела исследования проблем
технично-криминалистического и экспертного сопровождения
расследования преступлений управления научно-исследовательской деятельности
(научно-исследовательского института криминалистики)
Главного управления криминалистики (Криминалистического центра)
Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
rvbond@yandex.ru

В статье обобщен опыт использования видеозаписей для идентификации зафиксированных на них лиц в ходе технико-криминалистического и экспертного сопровождения расследования преступлений. Показана зависимость возможности идентификации от размера изображения.

Ключевые слова: идентификация, видеотехническая экспертиза, портретная экспертиза, субъективный портрет.

The article summarizes the experience of using video recordings for the identification of persons recorded on them in the course of technical and forensic and expert support of the investigation of crimes. The dependence of the identification of the size of the image.

Keywords: identification, video technical examination, examination of the portrait, subjective portrait.

* Image Size as a Criterion of Fitness for Identification of Persons in Video Footage

Bondarenko Pavel V., Head of the Department of Research of Technical, Criminalistic and Expert Support of Crime Investigation of the Research Directorate (Research Institute of Criminalistics) of the Chief Criminalistic Directorate (Criminalistic Center) of the Investigative Committee of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

В ходе раскрытия и расследования преступлений изымаются десятки и даже сотни видеозаписей. Существенной особенностью большинства из них является большая удаленность камеры от объекта съемки. Как следствие, идентификация человека, если он и есть объект съемки, часто вызывает проблемы.

Видеокамеры, установленные вне помещений (в торговых залах, в видеорегистраторах автомобилей и др.) предназначены для фиксации событий, а не распознавания людей. Они могут иметь высокое разрешение, хорошую оптику, но если изображение человека на видеозаписи занимает лишь малую часть кадра, то в нем просто не отобразится необходимый для идентификации объем признаков внешности. В криминальных телесериалах такие изображения без проблем исправляются специалистами-компьютерщиками, зачастую увеличивающими кадры съемки со спутника до размера, позволяющего узнать преступника. Но это в телесериалах, где царят не законы оптики, а художественный вымысел, желание авторов убедить зрителя во всеильности героев. В реальности, если лицо человека на видеозаписи занимает, например, четыре точки, то после увеличения оно становится четырьмя «большими» точками, не несущими никакой информации о внешнем облике человека.

Методы увеличения размера цифрового изображения могут быть разными. Можно между двумя рядами точек вставить третий, а его яркость сделать средней по сравнению с соседними. При большом увеличении можно добавить алгоритмы сглаживания краев и др. Не вдаваясь в подробности действия инструментов, которыми пользуются эксперты в области видеотехнической экспертизы, отметим, что эти преобразования не добавляют информативности объекту. То есть математические преобразования не приводят к появлению в изображении человека признаков, которых в нем изначально не было.

Возникает вопрос: есть ли смысл в улучшении видеозаписей в рамках видеотехнической экспертизы для последующей идентификации изображенных на них лиц? Прежде чем ответить на него, следует уточнить, о какой идентификации идет речь.

Идентифицировать человека на видеозаписи можно двумя способами. При предъявлении для опознания видеозаписи участнику процесса, ранее видевшему лицо, интересующее следствие, на основе сравнения его изображения с имеющимися в памяти образами. При портретной экспертизе эксперт идентифицирует человека на видеозаписи на основе сравнения признаков внешности, проявившихся в изображении человека, с признаками внешности проверяемого лица.

Сложившаяся практика отводит выводу эксперта большее значение, чем мнению обычного человека, однако противопоставление здесь некорректно. Во-первых, потому что протокол предъявления для опознания и заключение эксперта как доказательства имеют одинаковую силу. Во-вторых, используются разные механизмы сравнения.

Эволюцией человека сформировано образное, целостное восприятие и запоминание другого человека. Сформированный образ учитывает наличие и структуру признаков внешности, их взаимосвязь, влияние освещения, положения, временные изменения. Другими словами, хорошо знакомого человека, как правило, узнают и сбоку, и в сумерках, и издали. При этом достаточно лишь части образа, чтобы мозг «достроил» остальную его часть. Главный механизм узнавания здесь — синтез.

Основной метод исследования эксперта в области портретной экспертизы — анализ. Во внешнем облике зафиксированного на видеозаписи человека выделяют его части, элементы, затем характеризуют их с помощью специально разработанной системы признаков. Далее сравнивают выявленные признаки с признаками внешности проверяемого лица, отобразившимися в образцах внешности. Для надежного экспертного вывода, таким образом, необходимо, чтобы изображение внешности содержало большое количество элементов и можно было бы точно определить их характеристики. Существенным моментом является разная идентификационная значимость признаков. Ценность признака тем выше, чем реже он встречается во внешности других лиц. К таким признакам относятся: крайняя степень выраженности какой-либо характеристики (худощавая фигура, круглое лицо, длинный нос, густые брови и др.); характеристики мелких деталей элементов внешности; наличие, размещение, форма, размер случайных элементов (родинки, шрамы); особые приметы (татуировки, аномалии и др.).

Учитывая сказанное можно утверждать, что улучшение видеозаписей в рамках видеотехнической экспертизы для последующей идентификации путем опознания имеет смысл, если в результате улучшения можно получить изображение, в котором не искажены общие пропорции лица и пропорции тела, не сильно искажены границы элементов, итоговое изображение имеет удобный для использования размер.

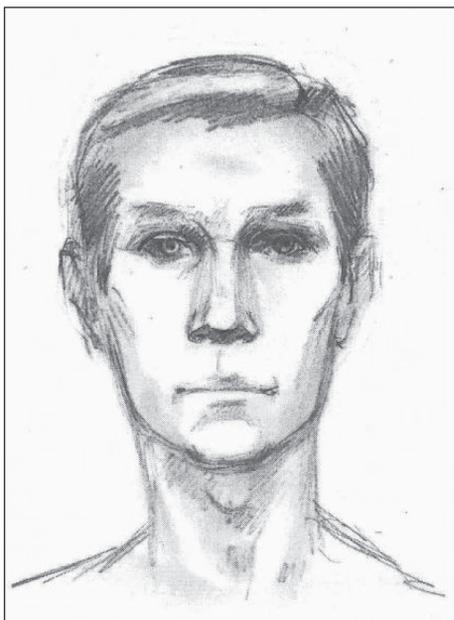
Для экспертной портретной идентификации улучшением необходимо добиться возможности выделять на изображении элементы и их части, изучать их признаки. Достигаются названные цели увеличением размера изображения, оптимизацией показателей яркости и контрастности,

Илл. 1. Кадр видеозаписи, зафиксировавший на заднем плане момент убийства

Илл. 2. Увеличенное изображение устанавливаемого лица

Илл. 3. Субъективный портрет разыскиваемого лица

Илл. 4. Фото задержанного Э.

исправлением геометрических искажений. Чем более мелкие детали сможет изучить эксперт, достоверно определить их форму, измерить размеры, оценить взаиморасположение, тем больший по объему и по идентификационной значимости комплекс признаков будет положен им в основу вывода.

В видеозаписях, полученных с большим удалением от объекта съемки, указанных критериев добиться не удастся вследствие физических ограничений.

Так, на иллюстрации 1 изображен кадр видеозаписи, зафиксировавший момент убийства. Размер головы убийцы в кадре составляет 8 x 10 точек. Увеличение такого «портрета» дает изображение, мало похожее на лицо реального человека (илл. 2). В таком изображении нет полутонов, границы элементов искажены, оно больше похоже на персонаж из мультфильма. Неадекватности добавляет ручная обрезка краев портрета, поскольку обработка целого изображения дает худший результат, нежели обработка вырезанного по границам лица. При достаточном опыте работы можно выделить несколько неустойчивых признаков внешности, но для опознания по признакам внешности это изображение непригодно. Как непригодно оно и для сравнительного исследования с образцами внешности проверяемого лица.

В случаях, когда размер изображения составляет порядка 20 x 30 точек, в результате улучшения удастся получить полутоновые изображения, содержащие отдельные элементы. Но их границы воспроизводятся, как правило, неадекватно. Подобное качество также не позволяет использовать улучшенные изображения для идентификации устанавливаемого лица, но может быть использовано в целях розыска, поскольку отражает общие пропорции лица и пропорции тела. По изображениям такого размера могут быть составлены субъективные портреты для розыска подозреваемых.

Субъективный портрет рисуется, как правило, анфас, хотя видеозапись таких кадров может и не содержать. В ходе работы специалист выделяет наиболее достоверно отобразившиеся признаки, «нормализует» их с учетом положения головы относительно камеры и изображает лицо уже анфас. Необходимо отметить, что субъективный портрет состав-

ляют не по одному кадру видеозаписи. Специалист просматривает всю запись, выделяет признаки, проявившиеся в нескольких кадрах. Он, по сути, интегрирует информацию о внешнем облике человека, проявившуюся в видеозаписи. Субъективный портрет в итоге является не суммой признаков, а целостным образом, включающим эти признаки. Если сравнивать субъективные портреты, составленные со слов очевидцев, и те, что составлены на основе улучшенных изображений в видеозаписях, последние имеют, как правило, большую степень сходства с подозреваемым (см. илл. 3 и 4).

Размер изображения головы устанавливаемого лица 50 x 70 точек позволяет зафиксировать достаточно большую совокупность признаков внешности, но еще не отображает мелких деталей элементов внешности. Увеличение таких видеопортретов до размера 8 x 10 см, оптимизация показателей яркости и контрастности позволяет использовать их для опознания изображенного лица (см. илл. 5 и 6). Нечеткость границ элементов затрудняет определение их характеристик в ходе экспертного исследования, но на результаты опознания нечеткость оказывает меньшее влияние, поскольку, повторимся, достаточно лишь части образа, чтобы мозг «достроил» остальную его часть. При проведении портретных экспертиз по изображениям такого размера удастся обосновать вероятный положительный вывод или исключить лицо из числа проверяемых.

В случаях, когда изображение головы человека составляет 100 x 150 точек, его идентификация возможна как путем опознания, так и в ходе портретной экспертизы при условии хорошего качества изображения.

С размером 200 x 300 точек уже можно говорить о надежной идентификации в ходе портретной экспертизы. Техническое улучшение здесь играет большую роль. На иллюстрации 7 показан кадр видеозаписи, на котором зафиксирован преступник, напавший на девочку в лифте. Размер головы устанавливаемого лица 199 x 309 точек.

Методами обработки цифровых изображений выделенный кадр исследуемой видеозаписи был улучшен: устранена дисторсия, увеличен размер, повышена резкость и контрастность, уменьшены шумы, удалены искажения

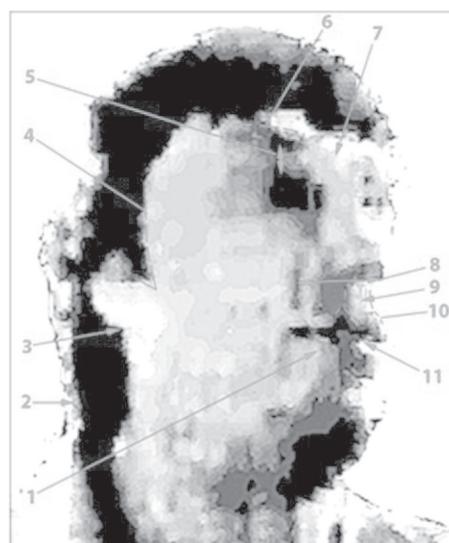
Илл. 5. Кадр видеозаписи, зафиксировавший устанавливаемое лицо

Илл. 6. Увеличенное изображение устанавливаемого лица

Илл. 7. Кадр видеозаписи, зафиксировавший устанавливаемое лицо

Илл. 8. Улучшенное изображение устанавливаемого лица с разметкой признаков внешности

сжатия, очищен фон. Сравнение улучшенного изображения устанавливаемого лица с образцами внешности К. позволило выявить только в этом кадре 11 признаков внешности, включая характеристики мелких деталей лица (илл. 8). В совокупности с совпадающими признаками, проявившимися в других кадрах видеозаписи, информативность комплекса совпадающих признаков составила 7,2 ед., что явилось надежным основанием для категорического положительного вывода о том, что на исследуемом участке видеозаписи и фотоснимках, а также видеозаписях с образцами внешности К. изображено одно и то же лицо.

В приведенных выше примерах техническое улучшение видеоизображения осуществлялось в рамках видеотехнической или комплексных видеотехнической и портретной экспертиз. Современные видеокамеры для оперативной съемки, видеокамеры банкоматов, видеомодули смартфонов и некоторые другие устройства позволяют фиксировать внешность человека без сильных искажений, поэтому идентификация изображенных на них лиц часто возможна в рам-

ках традиционной портретной экспертизы без технического улучшения изображения.

Нужно отметить, что связь возможности идентификации зафиксированного лица и размера изображения не прямая. Кроме размера есть еще много факторов, которые снижают информативность исследуемого изображения (недостаточные яркость и контрастность, геометрические искажения, динамические искажения, артефакты сжатия, маскирующие сопутствующие элементы и др.).

Литература

1. Ильин Н.Н. Использование результатов портретной экспертизы по видеоизображениям при расследовании отдельных преступлений против собственности / Н.Н. Ильин // Эксперт-криминалист. 2017. № 1. С. 21–25.
2. Подволоцкий И.Н. Принципы оценки заключения судебной портретной экспертизы / И.Н. Подволоцкий // Эксперт-криминалист. 2017. № 3. С. 29–31.

Комиссионная судебно-медицинская экспертиза при расследовании уголовных дел о преступлениях, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи*

Маланина Наталья Владимировна,
инспектор отдела исследования проблем методик расследования преступлений управления научно-исследовательской деятельности (научно-исследовательского института криминалистики) Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации, кандидат филологических наук
po4ta.el-po4ta@yandex.ru

Назначение и производство комиссионной судебно-медицинской экспертизы при расследовании уголовных дел о преступлениях, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи (медицинских услуг), позволяет решать вопросы, без уяснения которых невозможно вынесение правосудного приговора. Заключение эксперта является важным звеном в цепи собираемых доказательств. Изучение особенностей медицинской сферы деятельности через призму экспертного мнения обеспечивает полноту восприятия доказательственной информации на стыке наук — медицины и юриспруденции.

Ключевые слова: медицинская помощь, медицинские услуги, комиссионная судебно-медицинская экспертиза.

The purpose of manufacturing and Commission is judicial-medical examination at investigation of criminal cases on crimes related to the improper provision of medical care (medical services), allows us to solve problems, without understanding which it is impossible the imposition of a lawful sentence. Expert opinion is an important link in the chain of evidence collected. The study of the features of the medical field through the prism of expert opinion ensures the completeness of the perception of evidentiary information at the intersection of Sciences – medicine and law.

Keywords: medical care, medical services, Commission forensic medical examination.

Согласно обобщенным в Следственном комитете Российской Федерации сведениям, основной причиной наступления тяжких последствий для здоровья пациентов либо их смерти является невыполнение медицинскими работниками требований законов и подзаконных нормативных актов, регулирующих деятельность в сфере здравоохранения.

В суды в 2017 г. были направлены 198 дел по обвинению медицинских работников, за 9 месяцев 2018 г. — 211 дел. Уголовные дела расследовались по ст. 109, 118, 124, 238 и 293 УК РФ. Как в 2018 году, так и в прошлые годы преступления в медицинской сфере деятельности совершались на стадиях диагностики и лечения, медицинского вмешательства и манипуляций, что влекло наступление общественно опасных последствий в виде причинения вреда здоровью или жизни человека. Проиллюстрируем данный тезис на конкретном примере.

Так, следственными органами Следственного комитета Российской Федерации по Республике Коми было направлено в суд дело в отношении врача-терапевта, которая обвинялась в причинении смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей (ч. 2 ст. 109 УК РФ).

Следствие и суд установили, что на прием к врачу обратился местный житель с жалобами на здоровье. Пациенту поставили диагноз, рекомендовали дообследование. Через

день он вновь обратился в больницу в связи с ухудшением самочувствия. Врач направила его на стационарное наблюдение и лечение. Через четыре дня пациент скончался в отделении реанимации. Согласно выводам комиссионной судебно-медицинской экспертизы врачом был установлен неверный диагноз, в соответствии с которым осуществлялось лечение. Кроме того, обвиняемая не организовала надлежащим образом динамическое наблюдение за больным, его экстренную госпитализацию, консультации со специалистами, не провела дифференцированную диагностику острых кардиосостояний, не инициировала своевременное проведение консилиума врачей, не направила больного в медицинскую организацию, оказывающую специализированную медицинскую помощь по профилю. В результате ненадлежащего исполнения врачом своих профессиональных обязанностей пациент скончался.

Приговором суда в 2018 г. подсудимой было назначено наказание в виде ограничения свободы сроком на один год шесть месяцев с лишением права заниматься определенной деятельностью в течение двух лет¹.

Ключевым аспектом в расследовании случаев причинения вреда здоровью или смерти пациентов является исследование причины допущенных недостатков при оказании медицинской помощи (медицинских услуг), изучение медицинской документации, содержащей первичные сведения

* An Expert Panel Forensic Medical Examination in Investigation of Criminal Cases on Crimes Involving Undue Medical Assistance Rendering **Malanina Natalya V.**, Inspector of the Department of Research of Crime Investigation Methods of the Research Directorate (Research Institute of Criminalistics) of the Chief Criminalistic Directorate (Criminalistic Center) of the Investigative Committee of the Russian Federation, Candidate of Philological Sciences

о состоянии больного, проведении соответствующих процедур и назначенном лечении.

Методические рекомендации ФГБУ «Российский центр судебно-медицинской экспертизы» Минздрава России «Порядок проведения судебно-медицинской экспертизы и установления причинно-следственных связей по факту неоказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи» предписывают экспертной комиссии по делу о преступлении в сфере медицинской деятельности в обязательном порядке решать вопрос о сущности недостатка (комплекса недостатков) оказания медицинской помощи².

Думается, что целесообразно разработать единую федеральную компьютерную программу анализа качества оказания медицинской помощи согласно протоколам лечения (клиническим рекомендациям).

Существенное значение при расследовании уголовных дел о преступлениях, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи (медицинских услуг), имеет назначение и производство комиссионной судебно-медицинской экспертизы, позволяющей разрешить интересующие следствие вопросы для установления обстоятельств произошедшего. В этой связи необходимо собрать сведения:

- об определении перечня обязательных профессиональных действий медицинского работника при оказании медицинской помощи пациенту;
- о наличии заболевания (травмы) у пациента на момент обращения в медицинское учреждение;
- об официальном диагнозе, лечении;
- о наличии (отсутствии) обстоятельств, повлиявших на действия медицинского работника;
- о возможности предвидения и предотвращения им наступивших последствий;
- об уровне его профессиональной подготовки;
- о причинах наступления последствий для здоровья или жизни больного;
- о соблюдении (нарушении) актов, регламентирующих медицинскую сферу деятельности.

На первоначальном этапе расследования возникает необходимость оперативного изъятия медицинской документации для установления объективных обстоятельств произошедшего путем проведения комиссионных судебно-медицинских экспертиз, качество которых напрямую зависит от полноты предоставляемого экспертам материала.

Целесообразно собрать и предварительно проанализировать информацию о расследуемом событии. В ходе проверки сведений о неоказании либо ненадлежащем оказании медицинской помощи необходимо изучить всю поступившую информацию, установить круг лиц — очевидцев произошедшего, изъять медицинские документы, данные исследования трупа, видеозаписи, материалы фотофиксации, объекты биологического происхождения. Важно получить из медицинского учреждения протокол разбора факта неоказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи, из регионального фонда обязательного медицинского страхования — сведения о проведении разбора качества и соответствия оказанной медицинской помощи действующим нормативным актам.

Специальную контрольно-надзорную функцию осуществляет Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения и социального развития (Росздравнадзор). Согласно Положению о Федеральной службе по надзору в сфере здравоохранения, утвержденному постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июня 2004 г. № 323, Росздравнадзор осуществляет контроль за порядком проведения судебно-медицинской экспертизы, установления степени утраты профессиональной трудоспособности, соблюдением стандартов качества медицинской помощи. При этом сроки и последовательность административных процедур (действий), порядок взаимодействия между структурными подразделениями Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения и ее территориальных органов при исполнении

государственной функции определяется Административным регламентом Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения по исполнению государственной функции по осуществлению государственного контроля качества и безопасности медицинской деятельности путем проведения проверок применения осуществляющими медицинскую деятельность организациями и индивидуальными предпринимателями порядков оказания медицинской помощи и стандартов медицинской помощи, утвержденным приказом Минздрава России от 23 января 2015 г. № 12н.

Таким образом, из Росздравнадзора целесообразно запросить заключение по материалам проверки качества и соответствия оказанной медицинской помощи нормативным актам.

На разрешение комиссионной судебно-медицинской экспертизы выносятся основные вопросы, касающиеся правильности, своевременности, достаточности и эффективности действий медицинского работника, о наличии в них недостатков с конкретизацией и влиянием на последствия для пациента на той либо иной стадии оказания медицинской помощи (медицинской услуги), степени тяжести вреда здоровью больного, причины его смерти, наличии (отсутствии) причинно-следственной связи между последствиями и действиями, совершенными в ходе оказания медицинской помощи.

При изучении полученных результатов комиссионной судебно-медицинской экспертизы следователь решает вопрос о наличии либо отсутствии оснований для привлечения к уголовной ответственности медицинского работника. Подтверждением необходимости уголовного преследования являются экспертные выводы о неправомерности действий медицинского работника, который не принял необходимых мер для исключения причинения вреда пациенту, что способствовало наступлению неблагоприятных последствий в виде вреда здоровью либо смерти больного.

Квалифицируя действия (бездействие) медицинского работника, необходимо установить конкретно, что именно повлекло негативные последствия. В ходе следствия при анализе собранных данных, включая результаты экспертного исследования, можно привлечь экспертов, специалистов соответствующего профиля для дачи показаний.

Совокупность собранных по уголовному делу доказательств виновности субъекта преступления позволяет завершить расследование.

Так, собранные следственными органами Следственного комитета Российской Федерации по Свердловской области доказательства были признаны судом достаточными для постановления приговора двум врачам-хирургам городской больницы, совершившим преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 109 УК РФ (причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей).

Следствие и суд установили, что бригада Скорой медицинской помощи в городскую больницу доставила местного жителя. При осмотре мужчины дежурный по приемному покою предварительно поставил верный диагноз. Впоследствии первая из обвиняемых (дежурный хирург, которой передали для ведения пациента) без проведения детального обследования, вопреки верному диагнозу, избрала консервативное лечение, несоответствующее диагнозу. Далее пациент на несколько часов был оставлен без принятия своевременных мер по оказанию необходимой медицинской помощи. После поступления пациента к лечащему хирургу тот продолжил консервативную тактику лечения: пациента в реанимацию не перевели, соответствующую экстренную медицинскую помощь (операция) не оказали. Лишь после вмешательства родственника госпитализированного больного был переведен в реанимационное отделение в тяжелом состоянии. Реанимационные мероприятия оказались безрезультатными, пациент скончался.

В ходе расследования комиссионные судебные медицинские экспертизы позволили установить ненадлежащее

исполнение двумя врачами-хирургами своих профессиональных обязанностей, что повлекло по неосторожности смерть пациента. Таким образом была выявлена причинно-следственная связь между неправильными действиями врачей и смертью пациента. Помимо назначения и проведения комиссионных судебно-медицинских экспертиз, в ходе следствия проведены выемки и осмотры документов, проанализирован значительный объем медицинской документации, допрошены более 40 свидетелей, выполнены иные следственные и процессуальные действия.

Приговором суда в 2018 г. (в зависимости от характера действий каждого) медикам было назначено наказание в виде ограничения свободы на срок два года и один год 10 месяцев соответственно³.

Таким образом, заключение по результатам проведенной комиссионной судебно-медицинской экспертизы в ходе расследования уголовных дел о преступлениях, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи, является важным звеном в цепи собираемых доказательств, позволяя получить криминалистически значимую информацию на стыке наук — медицины и юриспруденции.

Литература

1. Багмет А.М. Криминалистические особенности расследования преступлений, совершенных медицинскими работниками / А.М. Багмет, Л.И. Черкасова // Российский следователь. 2014. № 1. С. 10–13.
2. Багмет А.М. Особенности расследования профессиональных преступлений медицинских работников / А.М. Багмет, Л.И. Черкасова // Эксперт-криминалист. 2014. № 1. С. 3–5.
3. Судебная медицина. Практикум : учебное пособие для вузов / П.О. Ромодановский, Е.Х. Баринов, В.А. Спиридонов. 2-е изд., пер. и доп. М., 2019. 248 с.
4. Топильская Е.В. Назначение экспертизы по делам о «медицинских» преступлениях на стадии доследственной проверки / Е.В. Топильская // Адвокатская практика. 2017. № 6. С. 47–51.

¹ URL: <https://sledcom.ru/news/item/1266818> (дата обращения: 31.01.2019).

² Письмо Министерства здравоохранения Российской Федерации от 05.11.2015 № 14-1/10/2-6632 // СПС «Гарант».

³ URL: <https://sledcom.ru/news/item/1254842> (дата обращения: 31.01.2019).

Максимальная плотность повреждений в дробовой осыпи как признак дистанции выстрела*

Погребной Алексей Анатольевич,

старший инспектор отдела исследования проблем технико-криминалистического и экспертного сопровождения расследования преступлений управления научно-исследовательской деятельности (Научно-исследовательского института криминалистики) Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации, полковник юстиции, кандидат юридических наук
asd_2010@mail.ru

Целью работы является поиск признаков дистанции выстрела для фрагментарных (неполных) дробовых осей. Проведен анализ связи с дистанцией такого признака, как максимальное для конкретной осыпи число поврежденных, проходящее на произвольно расположенный квадрат 10 x 10 см. Показано, что при учете в анализе некоторых условий стрельбы коэффициент корреляции признака с дистанцией достигает -0,84, а величина достоверности аппроксимации R2 0,96. Приведены степенные функции для ориентировочного расчета дистанции по осыпям дроби различных номеров и типов патронов (пыж / пыж-контейнер).

Ключевые слова: дистанция выстрела, рассеивание дроби, дробовая осыпь, охотничье оружие.

The aim of the work is to find signs of the shot distance for fragmentary (incomplete) shot scree. The analysis of the force of connection with the distance of such a sign as the maximum for a particular talus number of damage from the pellets, falling on an arbitrarily located square 10x10 cm (100 cm²). It is shown that taking into account in the analysis of some shooting conditions, the correlation coefficient of the trait with the distance reaches -0.84, and the value of the reliability of the approximation of R2 functions is 0.96. Power functions are developed for approximate calculation of the distance on the scree fractions of different numbers and types of cartridges (wad / wad-container).

Keywords: range, shot dispersion, shot debris, hunting gun.

В практике работы криминалиста нередко возникает задача определения расстояния выстрела по дробовым повреждениям¹. Для ее решения в качестве основного признака используют размер дробовой осыпи. При этом

берут размер основной массы осыпи, не учитывающий 3–4% периферийных повреждений² либо максимальный размер, то есть расстояние между наиболее удаленными повреждениями³.

* The Maximum Density of Damage in a Shot Pattern as an Attribute of the Shooting Distance

Pogrebnoy Aleksey A., Senior Inspector of the Department of Research of Technical, Criminalistic and Expert Support of Crime Investigation of the Research Directorate (Research Institute of Criminalistics) of the Chief Criminalistic Directorate (Criminalistic Center) of the Investigative Committee of the Russian Federation, Colonel of Justice, Candidate of Legal Sciences

Однако применять эти признаки допустимо лишь к полным осыпям, то есть сформированным большинством снаряженных в патрон дробинок. Между тем при попадании дробового снопа в тело человека, дерева, двери и другие малоразмерные объекты весьма часто встречаются фрагментарные осыпи. В таких случаях решение вопроса о дистанции становится затруднительным.

Таким образом, в настоящее время актуальна задача поиска признаков фрагментарных осыпей, которые зависят от дистанции выстрела и могут быть использованы для ее определения.

Перспективным признаком дистанции у фрагментарных осыпей, на наш взгляд, является плотность осыпи. По мере удаления от дульного среза расстояние между дробинками увеличивается, что в итоге приводит к увеличению общего размера осыпи. При этом, поскольку число дробинок в полиснаряде остается неизменным, с удалением от дульного среза снижается число дробинок, приходящееся на единицу площади, то есть плотность осыпи.

Представляется, что уменьшение плотности должно быть характерно как для осыпи в целом, так и для локальных ее участков. Однако использовать в качестве единицы площади общую площадь осыпи нецелесообразно, поскольку она вычисляется по размеру осыпи, учитываемому в качестве самостоятельного признака дистанции. Наличие, характер и степень зависимости плотности от дистанции будут аналогичны тем же параметрам признака размера осыпи.

Предпочтительным представляется использование в качестве единицы площади фиксированной величины, которая зависит от формы и размера заранее выбранной геометрической фигуры. Это дает ряд преимуществ. Во-первых, используемая таким способом площадь становится параметром, независимым от размера осыпи. Во-вторых, признак можно использовать на неполных осыпях, подобрав оптимальные параметры фигуры.

С учетом известных нам дробовых осыпей используем в качестве единицы площади квадрат с размерами сторон 10 x 10 см (100 см²), а в качестве шаблона для измерений — соответствующий вырез в листе миллиметровой бумаги.

Измерение плотности осыпи заключается в наложении шаблона на разные участки осыпи и подсчете числа попавших в него повреждений (см. рис. 1). Измерения продолжают до тех пор, пока для данной осыпи не будет найден участок с наибольшим их числом. Такой порядок обусловлен тем, что повреждения от отдельных дробинок внутри осыпей располагаются неравномерно, обширные пустые участки перемежаются с участками скопления повреждений. Выде-

лить постоянный участок, где плотность всегда наибольшая, затруднительно.

Таким образом, с учетом выбранной единицы площади, оцениваемым в данной работе признаком дистанции является максимальное для конкретной осыпи число повреждений, приходящееся на произвольно расположенный квадрат с размерами сторон 10 x 10 см (100 см²).

Для оценки признака был взят массив экспериментальных дробовых осыпей, полученных в рамках одного из наших предыдущих исследований⁴. Изложим кратко условия их получения.

Дистанция стрельбы: 5 м, 10 м, 15 м, 20 м, 25 м, 30 м, 35 м, 40 м и 50 м. Стрельба осуществлялась из гладкоствольных ружей 12 калибра ИЖ-27 (чок), ТОЗ-34 (получок) и ИЖ-81 (чок) патронами марок «Главпатрон» (Россия), «CHEDDITE СКМ Индустрия» (Россия), «FETTER» (Россия), «CLEVER MIRAGE» (Италия), снаряженными дробью номеров «5», «3» и «00». Для дроби каждого номера использовались патроны как с пыжами, так и с пыжами-контейнерами. План и основные результаты эксперимента наглядно видны из табл. 1.

Как видно из табл. 1, план эксперимента позволил получить для каждой дистанции набор осыпей с варьированием всех основных условий стрельбы — модели оружия и сверловки ствола, изготовителя, типа патрона (пыж / пыж-контейнер) и номера дроби. Для каждой дистанции были получены по девять образцов осыпей, при этом шесть из них — при стрельбе широко распространенными сейчас патронами с пыжами-контейнерами.

Представленные в табл. 1 результаты измерения максимальной плотности повреждений для удобства дальнейшей работы сгруппируем по номеру дроби и типу патрона (табл. 2).

В обеих таблицах данные по дистанциям 5 м и 10 м отсутствуют, так как на них в большинстве осыпей наблюдается компактное или относительно компактное действие дроби, что делает невозможным измерение исследуемого признака. В то же время наличие такого действия дроби само по себе является надежным признаком дистанции выстрела.

Обработка эмпирических данных проводилась по следующей схеме:

- графическое представление данных в прямоугольной системе координат, где один ряд составляли значения дистанции, а второй — соответствующие им значения плотности повреждений;
- вычисление коэффициента корреляции признаков (значений плотности и значений дистанции);
- проведение аппроксимации — подбор наилучшего типа аппроксимирующей функции с построением линии

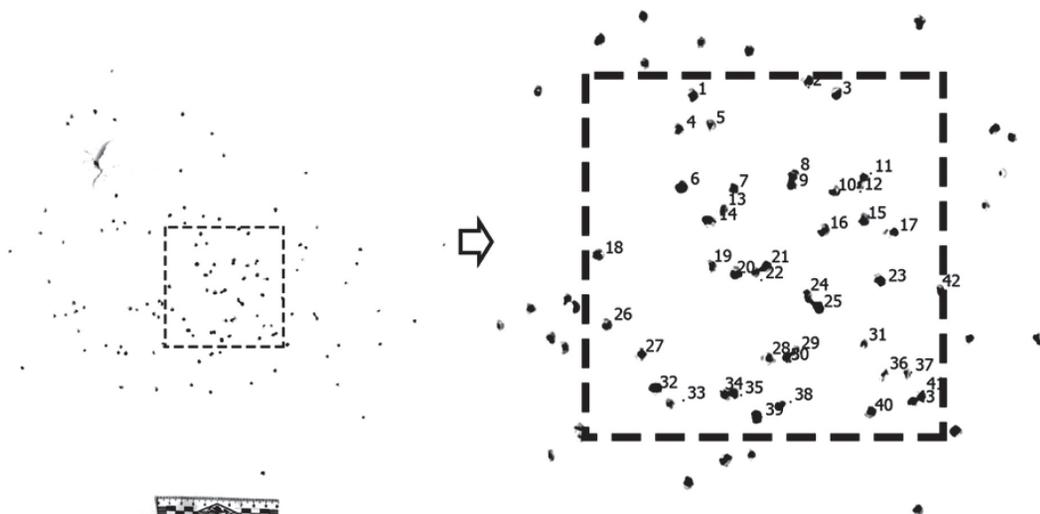

Рис. 1. Схема измерения плотности повреждений

Таблица 1

План и основные результаты эксперимента

Оружие, патрон		Максимальная плотность повреждений, шт.								
		Дистанция, м								
		5	10	15	20	25	30	35	40	50
ИЖ-27, чок	Дробь № 00, «Главпатрон» (пыж-контейнер)	—	—	22	13	9	7	7	3	3
	Дробь № 3, «CHEDDITE СКМ Индустрия» (пыж-контейнер)	—	—	49	28	17	9	9	7	6
	Дробь № 5, «CLEVER MIRAGE» (пыж-контейнер)	—	—	96	49	25	20	14	13	7
ТОЗ-34, получок	Дробь № 00, «Главпатрон» (пыж)	—	—	24	12	14	4	6	4	5
	Дробь № 3, «FETTER» (пыж-контейнер)	—	—	46	20	15	15	10	8	6
	Дробь № 5, «FETTER» (пыж-контейнер)	—	—	55	29	21	16	10	7	6
ИЖ-81, чок	Дробь № 00, «CHEDDITE СКМ Индустрия» (пыж-контейнер)	—	—	26	19	7	7	4	7	3
	Дробь № 3, «Главпатрон» (пыж)	—	—	37	15	14	9	8	7	5
	Дробь № 5, «CHEDDITE СКМ Индустрия» (пыж)	—	—	67	29	27	14	11	10	7

Таблица 2

Максимальное для осыпи число повреждений на произвольно расположенный квадрат 10 x 10 см (100 см²), шт.

Дистанция выстрела, м	Дробь № 00		Дробь № 3		Дробь № 5	
	Пыж-контейнер	Пыж	Пыж-контейнер	Пыж	Пыж-контейнер	Пыж
5	—	—	—	—	—	—
	—	—	—	—	—	—
10	—	—	—	—	—	—
	—	—	—	—	—	—
15	22	24	49	37	96	67
	26		46		55	
20	13	12	28	15	49	29
	19		20		29	
25	9	14	17	14	25	27
	7		15		21	
30	7	4	9	9	20	14
	7		15		16	
35	7	6	9	8	14	11
	4		10		10	
40	3	4	7	7	13	10
	7		8		7	
50	3	5	6	5	7	7
	3		6		6	

тренда и оценкой качества приближения по величине достоверности аппроксимации R^2 .

Для корректной оценки значимости исследуемого признака и определения условий его практического применения обработка данных проводилась поэтапно, с делением всего набора осыпей на обособленные массивы.

На первом этапе в качестве массива была взята вся совокупность полученных осыпей, то есть на каждой дистанции сопоставлялись все девять значений плотности повреждений, полученные в разных условиях. На втором этапе общий массив был разбит на три подмассива по номеру дроби, то

есть на каждой дистанции сопоставлялась плотность повреждений осыпей дроби только «своего» номера (по три значения на дистанцию). На третьем этапе в подмассивах по номерам дроби были дополнительно выделены подмассивы по типу патрона — с пыжом и с пыжом-контейнером. Таким образом, на третьем этапе каждой дистанции сопоставлялись либо два значения плотности (для патронов с пыжами-контейнерами), либо один (для патронов с пыжами).

В результате обработки всего массива осыпей на первом этапе коэффициент корреляции признаков составил $-0,66$, а наибольшая величина R^2 для линии тренда по степенной

функции составляла 0,69. Эти данные указывают на среднюю корреляцию и недостаточно высокую предсказательную способность функции. Это ожидаемый результат, который очевидно связан с большим разбросом значений, сильно зависимых от различных факторов, например, условий снаряжения (номера дроби, типа патрона) и др.

Результаты обработки массивов, разделенных только по номеру дроби, но включавших осыпи как патронов с пыжами, так и пыжами-контейнерами, представлены в табл. 3.

Таблица 3

Результаты анализа осыпей, сгруппированных по номеру дроби

Массив	Коэффициент корреляции	Оптимальная функция и величина достоверности аппроксимации R
Дробь № 00 (4,5 мм)	-0,82	$y = 82,347x^{-0,517}$ $R^2 = 0,8458$
Дробь № 3 (3,5 мм)	-0,80	$y = 118,32x^{-0,558}$ $R^2 = 0,9248$
Дробь № 5 (3 мм)	-0,79	$y = 115,91x^{-0,48}$ $R^2 = 0,9381$

Результаты обработки массивов, разделенных по номеру дроби и типу патрона (пыж/пыж-контейнер) приведены в табл. 4.

Таблица 4

Результаты анализа осыпей, сгруппированных по номеру дроби и типу патрона (пыж/пыж-контейнер)

Массив		Коэффициент корреляции	Оптимальная функция и величина достоверности аппроксимации R
Дробь № 00 (4,5 мм)	Пыж	-0,80	$y = 82,878x^{-0,514}$ $R^2 = 0,7563$
	Пыж-контейнер	-0,84	$y = 82,12x^{-0,518}$ $R^2 = 0,8913$
Дробь № 3 (3,5 мм)	Пыж	-0,79	$y = 124,82x^{-0,614}$ $R^2 = 0,9489$
	Пыж-контейнер	-0,82	$y = 121,99x^{-0,554}$ $R^2 = 0,9496$
Дробь № 5 (3 мм)	Пыж	-0,82	$y = 128,47x^{-0,521}$ $R^2 = 0,9666$
	Пыж-контейнер	-0,78	$y = 111,41x^{-0,463}$ $R^2 = 0,9296$

Как видно из таблиц, при учете в анализе условий выстрела (номера дроби и типа патрона) коэффициент корреляции и величина достоверности аппроксимации R^2 существенно возрастают и достигают приемлемого уровня. Коэффициент корреляции в пределах 0,7—0,9 указывает на тесную связь между признаками, а при величине коэффициента R^2 0,85 и выше аппроксимацию можно считать достоверной. Отрицательное значение коэффициента корреляции указывает на обратную связь признаков — с увеличением дистанции выстрела плотность повреждений уменьшается.

Для всех массивов оптимальными оказались степенные функции, поскольку значения плотности быстрее меняются на малых дистанциях, затем изменение происходит медленнее. Это может быть обусловлено условиями выстрела, используемым нами шаблоном для измерения плотности

(на больших дистанциях там оказывается сходное число повреждений), особенностями движения дроби в полете или другими факторами.

Проведенные эксперименты позволяют сделать следующие выводы:

1. Максимальное для конкретной осыпи число повреждений от дроби, приходящееся на произвольно расположенный квадрат 10 x 10 см (100 см²) является признаком, зависимым от дистанции выстрела и может быть использовано для ее определения.

2. Для корректного определения дистанции обязательно следует учитывать номер дроби и по возможности (но необязательно) тип патрона (пыж / пыж-контейнер).

3. Для ориентировочного расчета дистанции выстрела по плотности повреждений могут быть использованы приведенные в работе степенные функции, где x — наибольшее для осыпи число повреждений на квадрат с размерами сторон 10 x 10 см (100 см²), шт., а y — искомая дистанция выстрела (в метрах).

Полученные данные могут быть использованы:

— для ориентировочного определения дистанции выстрела на месте происшествия по фрагментарным осыпям при совпадении условий стрельбы на месте происшествия и описанных в статье;

— для определения начальных дистанций стрельбы при получении сравнительных образцов осыпей в процессе баллистических экспертиз;

— в качестве эмпирического материала для дальнейших исследований в области разработки методов определения дистанции выстрела по дробовым осыпям.

Литература

1. Артамонов М.С. Определение дистанции выстрела из охотничьих гладкоствольных ружей и обрезов из них по рассеиванию дробового снопа / М.С. Артамонов // Экспертная техника. 1967. Вып. 22. С. 14–32.
2. Ермоленко Б.Н. Определение расстояния выстрела из дробового оружия и кинетической энергии снаряда / Б.Н. Ермоленко. Киев : РИО МВД УССР, 1974. 52 с.
3. Ефремов И.А. Об использовании специальных знаний судебной баллистики в раскрытии и доказывании преступлений: из практики эксперта-криминалиста и адвоката / И.А. Ефремов // Адвокатская практика. 2016. № 3. С. 38–42.
4. Погребной А.А. Расстояние между наиболее удаленными повреждениями в дробовой осыпи как признак дистанции выстрела / А.А. Погребной // Судебная экспертиза. 2016. № 3 (47). С. 106–123.
5. Погребной А.А. Характеристика повреждений дробью № 00 при стрельбе современными охотничьими патронами 12 калибра с дистанций от 5 до 50 м / А.А. Погребной // Эксперт-криминалист. 2016. № 2. С. 14–18.

¹ См., напр.: Ефремов И.А. Об использовании специальных знаний судебной баллистики в раскрытии и доказывании преступлений: из практики эксперта-криминалиста и адвоката // Адвокатская практика. 2016. № 3. С. 38–42.

² См., напр.: Артамонов М.С. Определение дистанции выстрела из охотничьих гладкоствольных ружей и обрезов из них по рассеиванию дробового снопа // Экспертная техника. 1967. Вып. 22. С. 14–32; Ермоленко Б.Н. Определение расстояния выстрела из дробового оружия и кинетической энергии снаряда. Киев, РИО МВД УССР, 1974; Погребной А.А. Характеристика повреждений дробью № 00 при стрельбе современными охотничьими патронами 12 калибра с дистанций от 5 до 50 м // Эксперт-криминалист. 2016. № 2. С. 14–18.

³ Погребной А.А. Расстояние между наиболее удаленными повреждениями в дробовой осыпи как признак дистанции выстрела // Судебная экспертиза. 2016. № 3 (47). С. 106–123.

⁴ Там же.

О практике проведения ситуационных судебно-медицинских экспертиз по делам о безвестном исчезновении граждан*

Саньков Валерий Иванович,

старший инспектор отдела исследования проблем методик расследования преступлений управления научно-исследовательской деятельности (научно-исследовательского института криминалистики) Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук
sankov_icr@mail.ru

В статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с назначением ситуационных судебно-медицинских экспертиз по делам о безвестном исчезновении лиц, в том числе по которым труп потерпевшего не обнаружен. Приводится обоснование правомерности и целесообразности назначения таких экспертиз по всем делам указанной категории, несмотря на вероятный характер получаемых выводов, с учетом мнения ученых и результатов изучения следственной и судебной практики.

Ключевые слова: ситуационная судебно-медицинская экспертиза, безвестное исчезновение граждан, вероятные выводы, заключение эксперта.

The article deals with topical issues related to the appointment of situational forensic medical examinations in cases of unknown disappearance of persons, including those for which the corpse of the victim was not found. The rationale of the legality and advisability of such examinations in all cases in this category, despite the likely nature of the resulting conclusions, based on the views of scientists and the results of the study investigative and judicial practices.

Keywords: situational forensic medical examination, unknown disappearance of citizens, probable conclusions, the expert's conclusion.

Преступления, связанные с безвестным исчезновением граждан, в частности умышленные убийства, являются одной из наиболее сложных в криминалистическом отношении категорий преступлений, расследуемых следственными органами Следственного комитета Российской Федерации (далее — СК России). Еще более осложняется раскрытие таких преступлений в ситуациях, когда труп потерпевшего или его части не удалось обнаружить. Данное обстоятельство иногда препятствует вынесению обвинительного приговора даже в случае установления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, и наличия иных доказательств, о чем свидетельствуют изучение следственной и судебной практики, исследования ученых. Вместе с тем в последнее десятилетие наметилась тенденция к росту числа уголовных дел, по которым выносятся обвинительные приговоры и при обнаружении трупа потерпевшего, что связано с применением новых технико-криминалистических средств, современных методик расследования подобных преступлений¹.

Изучение отечественной и зарубежной практики расследования и судебного рассмотрения уголовных дел об убийствах, по которым труп потерпевшего не обнаружен, проведенное А.Н. Архиповой, показало наличие ряда проблем правоприменения, в числе которых неиспользование следователями новаторских подходов к изобличению преступников, неназначение одорологических, судебно-психологических, судебно-медицинских ситуационных экспертиз,

отсутствие у следователей настойчивости в иницировании экспертных экспериментов в рамках судебно-медицинской ситуационной экспертизы, значимость проведения которых в условиях, приближенных к обстоятельствам происшествия, неоспорима².

Методико-криминалистическому обеспечению раскрытия и расследования таких преступлений посвящено немало научных исследований³. Важным и в то же время дискуссионным вопросом остается назначение судебно-медицинских ситуационных (ситуалогических) экспертиз, в связи с чем представляется целесообразным рассмотреть его с учетом складывающейся следственно-судебной практики.

Изучение мнения руководителей бюро судебно-медицинской экспертизы по вопросам назначения подобных экспертиз в различных регионах Российской Федерации в 2008 г. показало: больше половины респондентов сообщили о непроведении ситуационных экспертиз, в частности, по причинам отсутствия объективизации выводов медицинскими данными, критериев для формирования достоверных выводов. Вместе с тем авторы исследования, на наш взгляд, обоснованно пришли к следующему заключению: «Все изложенное отнюдь не отвергает принципиальной возможности назначения судебно-медицинских ситуационных экспертиз, когда труп потерпевшего отсутствует. Полагаем, речь здесь должна идти о качестве профессиональной подготовки не только судебно-медицинских экспертов, но и следователей,

* On the Practice of Carrying out of Situational Forensic Medical Examinations in Missing Person Cases

Sankov Valeriy I., Senior Inspector of the Department of Research of Crime Investigation Methods of the Research Directorate (Research Institute of Criminalistics) of the Chief Criminalistic Directorate (Criminalistic Center) of the Investigative Committee of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences

прокуроров, судей — именно от их настойчивости, эрудиции и опыта будет зависеть принятие правильного решения по такой сложной категории уголовных дел»⁴.

Мы не располагаем сведениями о проведении подобных исследований в последующий период, однако выборочное изучение материалов уголовных дел по данной категории преступлений, расследовавшихся следователями СК России и рассмотренных судами различных регионов (Вологодской, Ивановской, Калининградской, Омской, Свердловской, Тюменской областям, Алтайскому краю и др.), показало, что при вынесении обвинительных приговоров суды в большинстве случаев использовали в качестве доказательств заключения экспертов по результатам проведенных ситуационных судебно-медицинских исследований. По отдельным делам следователи такие экспертизы не назначали, ограничившись совокупностью иных доказательств.

Положительные примеры использования заключений экспертов по результатам ситуационной судебно-медицинской экспертизы приводятся и другими авторами. При этом отмечается необходимость тщательной подготовки материалов для проведения такой экспертизы.

Так, в целях проверки показаний подозреваемого Т., признавшегося в совершенном им три года назад убийстве незнакомого мужчины, труп которого не обнаружили, был проведен комплекс следственных и иных процессуальных действий, в том числе проверка показаний Т. на месте с использованием средств видеofиксации, с участием специалиста в области судебной медицины. При этом Т. продемонстрировал свои действия при нанесении телесных повреждений потерпевшему, описав их локализацию, орудие преступления. По результатам производства ситуационной судебно-медицинской экспертизы эксперты пришли к выводу о том, что причинение смерти неустановленному мужчине не исключается при указанных Т. обстоятельствах⁵.

Нормативное обоснование возможности проведения судебно-медицинских ситуационных экспертиз содержится в приказе Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 12 мая 2010 г. № 346н «Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации». В соответствии с данным приказом ситуационные экспертные задачи решаются посредством производства медико-криминалистической экспертизы вещественных доказательств и объектов, судебно-медицинских исследований по реконструкции событий, объектами которых являются в том числе материалы уголовных дел, оконченные судебно-медицинские, криминалистические и другие экспертные исследования, материалы следственных и экспертных экспериментов, объекты ранее проведенных экспертных исследований и др. (п. 85.7).

По-видимому, одним из существенных факторов, сдерживавших использование в качестве доказательств выводов, полученных в результате ситуационных экспертиз, длительное время являлось предубеждение в среде правоохранителей и судебных экспертов в отношении данного вида доказательств, вызванное вероятным или предположительным характером таких выводов.

В последние годы отношение изменилось ввиду отсутствия каких-либо законодательных препятствий к проведению подобных экспертиз, а также современной позиции высших судебных инстанций. В частности, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» не содержится запрета на использование вероятного заключения эксперта или указаний на приоритетное значение категорической либо вероятной формы выводов эксперта.

Кроме того, не следует смешивать понятия «вероятный» и «предположительный». Как справедливо отмечает И.В. Овсянников, «вероятный вывод эксперта — это предположение, в той или иной степени уже обоснованное какими-то доводами, аргументами, подтвержденное результатами

проведенного экспертом исследования представленных ему объектов, причем сама величина (степень) вероятности должна быть определена экспертом»⁶. О допустимости и правомерности вероятных заключений эксперта пишут и другие авторы⁷.

Принимая в качестве доказательств виновности вероятные заключения экспертов по результатам судебно-медицинских ситуационных экспертиз по делам об убийствах, по которым труп потерпевшего не обнаружен, суды дают критическую оценку доводам стороны защиты о недопустимости подобных заключений в силу их вероятного или предположительного характера.

Так, в приговоре по делу Т., осужденного по п. «а», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, суд сослался на заключение и показания эксперта, отметив, что показания очевидцев убийства не противоречат заключению экспертной комиссии и показаниям эксперта К., подтвердившим, что смерть Е. и П. могла наступить от описанных очевидцами ударов ножом, нанесенных Т., вследствие, вероятно, сопутствующих им колотых и колото-резаных ранений⁸. Обжалуя приговор, осужденный и его защитник в числе других привели довод о том, что судебно-медицинские эксперты свои выводы сделали по показаниям допрошенных по делу лиц и эти выводы о причинах смерти потерпевших носят вероятностный характер. Однако Верховный Суд РФ, отказав в удовлетворении апелляционной жалобы, отметил, что показания судебных медиков о возможных причинах наступления смерти потерпевших основаны на достаточно подробных показаниях очевидцев о характере и локализации причиненных каждому из них ножевых ранений⁹.

В приговоре Кызылского городского суда в отношении Г., осужденного по ч. 1 ст. 105 УК РФ, в качестве доказательства его виновности приведено заключение эксперта по результатам экспертизы, проведенной на основании материалов дела. При этом доводы стороны защиты о недопустимости данного заключения и показаний эксперта в связи с тем, что труп потерпевшей М. не исследовался, а сами выводы носят предположительный характер, суд признал необоснованными, отметив, в частности, что заключение эксперта, выводы которого содержат установление какого-либо факта, в большинстве своем носят вероятностный характер и, как любое иное доказательство по каждому уголовному делу, подлежат оценке в совокупности с другими доказательствами¹⁰.

Вместе с тем анализ материалов уголовных дел об убийствах, связанных с безвестным исчезновением лиц, труп которых обнаружить не удалось, показал, что, как правило, решающее значение в процессе доказывания имело обнаружение на месте происшествия объективных следов совершения преступления — крови и иных биологических объектов, произошедших от потерпевших, орудий преступления. Помимо заключений экспертов о возможности наступления смерти потерпевшего при обстоятельствах, указанных в «признавательных» показаниях подозреваемых, обвиняемых, а также показаниях очевидцев преступления, необходима совокупность иных доказательств, в том числе косвенных, дающих основание для вынесения обвинительного приговора.

Поскольку для получения обоснованных выводов эксперта необходимо соблюдение целого ряда важных условий — обнаружение всех возможных следов преступления, тщательная подготовка материалов для назначения ситуационной экспертизы, правильное формулирование вопросов и т.д., необходимо овладение следователями методикой расследования преступлений рассматриваемой категории, тактикой назначения экспертиз.

Некоторые, наиболее важные и принципиальные криминалистические рекомендации, в том числе касающиеся поиска объектов для последующего экспертного исследования, целесообразно, по нашему мнению, регламентировать в организационно-распорядительных документах, то, что придаст им обязательный характер и будет способствовать повышению ответственности следователей и эффективности их работы. Например, в ранее действовавшем Указании

Генеральной прокуратуры РФ и МВД России содержалось предписание тактического характера об обязательном участии специалиста (эксперта-криминалиста, биолога) в осмотре квартиры, последнего места пребывания (служебного помещения), автомашины разыскиваемого, в целях изъятия и закрепления следов пальцев, образцов волос, объектов для одорологического исследования и иных предметов, имеющих значение для осуществления розыска и отождествления личности пропавшего¹¹.

Таким образом, изучение практики расследования и судебного рассмотрения уголовных дел о безвестном исчезновении лиц, в том числе в ситуации необнаружения их трупа, позволяет прийти к следующим выводам.

Назначение по таким делам судебно-медицинской ситуационной экспертизы правомерно и необходимо, несмотря на вероятный характер заключения эксперта, поскольку следователь не может подменить специалиста и эксперта в формулировании ответов на вопросы, требующие специальных познаний в области судебной медицины. При подготовке к проведению такой экспертизы следует проводить комплекс следственных действий и иных мероприятий с учетом криминалистических рекомендаций. Особого внимания требует проведение проверки показаний подозреваемого (обвиняемого) на месте, в которой целесообразно участие эксперта, а также применение видеофиксации. Необходим дальнейший мониторинг следственной и судебной практики по делам рассматриваемой категории, в том числе в части использования в качестве доказательств заключений экспертов по результатам проведения ситуационных экспертиз, с целью выявления возникающих проблем и разработки мер по их разрешению.

Литература

1. Архипова А. Проблемы доказывания и квалификации убийств при отсутствии трупа / А.Н. Архипова // Уголовное право. 2011. № 1. С. 95–100.
2. Архипова А.Н. Актуальные вопросы судебно-медицинской экспертизы в ситуациях, когда труп потерпевшего не обнаружен или подвергнулся уничтожению / А.Н. Архипова, Н.Н. Китаев // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Юридические науки». Том 22 (61). 2009. № 1. С. 255–261.
3. Ильин Н.Н. О вероятных выводах эксперта при производстве судебных экспертиз / Н.Н. Ильин // Современное развитие криминалистики и судебной экспертизы как реализация идей Р.С. Белкина : материалы Международной научно-практической конференции «К 95-летию со дня рождения ученого, педагога, публициста» (г. Москва, 22–23 ноября 2017 г.). М. : РФ-Пресс, 2018. С. 316–320.
4. Казачек Е.Ю. Ситуационная экспертиза по делам об убийстве, труп по которым не обнаружен : веское доказательство или предположение о преступлении (на примере следственной практики) / Е.Ю. Казачек //

Раскрытие и расследование преступлений, связанных с безвестным исчезновением граждан : материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 27 сентября 2018 г.) / под общ. ред. А.М. Багмета. М. : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2018. С. 153–156.

5. Овсянников И.В. К вопросу о вероятном заключении эксперта / И.В. Овсянников // Российская юстиция. 2014. № 11. С. 56–59.
6. Троцанович А.В. Расследование преступлений, связанных с безвестным исчезновением граждан : учебно-практическое пособие / А.В. Троцанович, Д.В. Алехин ; под ред. А.М. Багмета. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 143 с.
7. Трубчик И.С. Особенности расследования убийств «без трупа» / И.С. Трубчик, Д.В. Галкин // Российский следователь. 2015. № 11. С. 50–54.

¹ См., напр.: Трубчик И.С., Галкин Д.В. Особенности расследования убийств «без трупа» // Российский следователь. 2015. № 11. С. 50–54.

² Архипова А. Проблемы доказывания и квалификации убийств при отсутствии трупа // Уголовное право. 2011. № 1. С. 95–100.

³ См., напр.: Троцанович А.В., Алехин Д.В. Расследование преступлений, связанных с безвестным исчезновением граждан : учебно-практическое пособие / под ред. А.М. Багмета. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017.

⁴ Архипова А.Н., Китаев Н.Н. Актуальные вопросы судебно-медицинской экспертизы в ситуациях, когда труп потерпевшего не обнаружен или подвергнулся уничтожению // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Юридические науки». Том 22 (61). 2009. № 1. С. 257–258.

⁵ Казачек Е.Ю. Ситуационная экспертиза по делам об убийстве, труп по которым не обнаружен : веское доказательство или предположение о преступлении (на примере следственной практики) // Раскрытие и расследование преступлений, связанных с безвестным исчезновением граждан : материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 27 сентября 2018 г.) / под общ. ред. А.М. Багмета. М. : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2018. С. 153–156.

⁶ Овсянников И.В. К вопросу о вероятном заключении эксперта // Российская юстиция. 2014. № 11. С. 56–59.

⁷ См., напр.: Ильин Н.Н. О вероятных выводах эксперта при производстве судебных экспертиз // Современное развитие криминалистики и судебной экспертизы как реализация идей Р.С. Белкина : материалы Международной научно-практической конференции «К 95-летию со дня рождения ученого, педагога, публициста» (г. Москва, 22–23 ноября 2017 г.). М. : РФ-Пресс, 2018. С. 316–320.

⁸ Приговор Калининградского областного суда от 10.07.2015 по делу № 2-9/2015.

⁹ Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 17.12.2015 по делу № 71-АПУ15-9. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1401248 (дата обращения: 20.02.2019).

¹⁰ Приговор Кызылского городского суда Республики Тыва от 30.08.2013 по делу 1-369/2013.

¹¹ Указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 20 ноября 1998 г. № 83/36, МВД Российской Федерации от 24 сентября 1998 г. № 1/19934 «О совершенствовании деятельности по раскрытию убийств, связанных с безвестным исчезновением граждан, и розыску лиц, пропавших без вести» // СПС «КонсультантПлюс».

Уважаемые читатели!

Чтобы облегчить поиск интересующих вас материалов в выпущенных Издательской группой «Юрист» журналах, подготовлен библиографический указатель всех публикаций за период с 2013 по 2018 г. Настоящее издание является продолжением библиографического указателя статей, вышедших в свет в журналах Издательской группы «Юрист» за период с 1993 по 2013 г. Статьи приведены по изданиям, в которых они опубликованы и размещены в алфавитном порядке по фамилиям авторов, что значительно упрощает процедуру поиска необходимой информации.

С содержанием сборника и перечнем публикаций можно ознакомиться на сайте Издательской группы «Юрист» в разделе «Книги» и в электронной библиотеке научных публикаций РИНЦ.

К вопросу о выявлении на месте происшествия диагностических признаков лица, совершившего убийство*

Хмельёва Алла Владимировна,
руководитель отдела исследования проблем
методик расследования преступлений
(научно-исследовательского института криминалистики)
Главного управления криминалистики (Криминалистического центра)
Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук
khmeleva.alla@mail.ru

Автором рассматриваются вопросы обнаружения на месте происшествия следов и иных объектов, позволяющих следователю и специалисту установить отдельные диагностические признаки лица, совершившего убийство, а также смоделировать его действия на месте происшествия. Особое внимание уделяется информации, которую следователь с помощью специалистов и судебных экспертов может получить при исследовании трупа.

Ключевые слова: осмотр места происшествия, труп, диагностические признаки преступника, следы, следователь, специалист.

Author considers the issues of detecting traces and other objects at the scene, allowing the investigator and specialist to identify individual diagnostic signs of the person who committed the murder, as well as simulate his actions at the scene of the incident. Special attention is paid to search information, which the investigator with the help of experts and legal experts can obtain when examining a corpse at the scene of a murder and later during the investigation.

Keywords: inspection of the scene, corpse, diagnostic signs of a criminal, traces, investigator, specialist.

Среди следственных действий при расследовании убийств особое место занимает осмотр места происшествия. Он имеет важнейшее значение как первоначальное следственное действие, когда фактически формируется исходная розыскная и доказательственная информация с использованием как материальных, так и идеальных следов.

Преступление всегда находит свое отражение в обстановке того места, где оно совершается, при этом основной объем информации о совершенном преступном деянии содержится в его следах, отобразившихся на различных поверхностях и предметах обстановки места происшествия, с которыми следователь имеет дело в ходе осмотра места происшествия. Следы преступления при соблюдении следователем правил их обнаружения, фиксации, исследования и анализа полученной таким образом информации, являясь частью объективной реальности, всегда указывают на истинное положение вещей.

Не вызывает сомнений, что для успешной работы на месте происшествия следователь должен иметь универсальную, системную криминалистическую подготовку. Именно она, а также помощь специалистов и судебных экспертов позволяет успешно разрешать вопросы моделирования личностных признаков и свойств совершившего преступление, с учетом информативности различных видов следов (отображений, веществ, предметов), оставленных им в результате пребывания и действий на месте преступления. Полученные и криминалистически верно интерпретированные результаты исследования обстановки места происшествия обеспечивают следователя информацией о виде преступления, способе, месте и времени его совершения, признаках и свойствах преступника, о потерпевшем, предмете преступного посяга-

тельства, мотивах преступления. На основе этой информации формируется поисковая модель преступника.

Можно выделить несколько направлений работы со следами преступления как источниками розыскной и доказательственной информации: предварительное исследование специалистом следов преступления в целях получения представления о механизме и иных обстоятельствах события; получение информации (в большинстве случаев — ориентирующей) о лице, совершившем преступление; проверка следов по базам данных информационно-поисковых систем криминалистического назначения. В этих случаях указанные объекты часто используются в розыске преступника по «горячим следам». Другие направления работы со следами и объектами — использование их в качестве источника криминалистически значимой информации при назначении судебных экспертиз, результаты которых обеспечивают разработку и проверку следственных версий, используются в доказывании по уголовному делу.

В криминалистической литературе высказано справедливое мнение, что при установлении личности преступника важнейшую роль играют информативные свойства и признаки человека, которые включают в себя совокупность находящихся в интегральном единстве относительно постоянных социальных, биологических и психологических свойств человека¹.

Указанные свойства, как уже отмечалось, в той или иной степени находят свое отражение в следах, оставленных на месте преступления. Причем понятие «следы» в данном случае трактуется широко: 1) собственно следы, то есть отображения материальных объектов на различных поверхностях; 2) следы-вещества, например, биологические выделения

* About On-Site Identification of Diagnostic Attributes of a Person Having Committed a Murder

Khmeleva Alla V., Head of the Department of Research of Crime Investigation Methods (of the Research Institute of Criminalistics) of the Chief Criminalistic Directorate (Criminalistic Center) of the Investigative Committee of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences

человека (кровь, сперма, пот и проч.); 3) следы-предметы — волосы, волокна одежды, различные вещи и т.д.

Своеобразным «следом», используемым для криминалистического установления личности преступника, является так называемый «почерк» — повторяющийся, стереотипный механизм совершения преступления, характер и последовательность его действий. Данный признак позволяет следователю выдвинуть версию о серийности выявленных преступлений, что является основанием для соединения уголовных дел в одно производство еще до установления лица, совершившего серийные преступления, и предъявления обвинения по каждому эпизоду.

Например, при совершении серии убийств молодых женщин на территории Воронежской области в каждом случае преступник связывал жертве руки, совершал изнасилование, а после смерти отрезал молочные железы и наносил T-образное ножевое повреждение в области живота. Это был его индивидуальный «почерк», по которому преступные эпизоды следователи и следователи-криминалисты обоснованно объединили в серию².

Следы-отображения и следы-вещества, как правило, позволяют получить информацию о биологических, идентификационных признаках лица. Так, по следам рук и босых ног можно идентифицировать человека; по следам ног в обуви — рост, особенности походки человека; по следам крови, спермы, пота и другим биовыделениям за счет использования молекулярно-генетических методов исследования можно провести индивидуальную идентификацию субъекта. О психологических особенностях человека и его психическом здоровье можно сделать вывод по характеру повреждений на трупе, обстановке места преступления и т.д.

В настоящее время новые возможности при установлении лица, совершившего преступление, и его розыске открываются перед следствием благодаря исследованию специалистами и экспертами так называемых «виртуальных» следов. Обычным делом стало выявление криминалистически значимой информации при изучении обнаруженных на месте происшествия телефонов и других гаджетов, использование сведений, полученных в результате контроля и записи переговоров между абонентами. Просмотр видеозаписей с камер наружного наблюдения, видеорегистраторов автомобилей, их экспертное исследование позволяют выявить признаки внешности преступника — общие характеристики (пол, возраст, рост и проч.), а также особенности походки, жестикуляции и др.

Остановимся подробнее на возможностях установления диагностических признаков лица, совершившего убийство, по следам на трупе жертвы и предметах обстановки места преступления.

Как уже отмечалось, при осмотре места происшествия, связанного с убийством, отдельные версии о личности преступника и его поисковые признаки следователь может получить по результатам осмотра трупа с учетом специфики места его обнаружения. На месте преступления судебный эксперт-медик может предварительно судить: о причине смерти, давности ее наступления, об орудии преступления; наличии, характере повреждений на трупе, механизме их нанесения и т.д. Эта информация позволяет установить отдельные поисковые признаки лица, совершившего преступление, организовать его розыск «по горячим следам».

Так, о совершении убийства лицом с психическими аномалиями, зачастую состоящим на специальном учете, могут свидетельствовать отсутствие видимого мотива убийства, нелогичные или необычные действия с трупом, например, попытка поджога трупа с помощью негодных средств, бесцельное его перемещение, придание ему вычурных поз, расчленение трупа на очень мелкие части.

Например, резонансное убийство малолетнего П. во Владимирской области в 2012 году не имело сексуальных, корыстных мотивов. Увидев на улице двух мальчиков, психически больной К. внезапно ударил одного из них, а второго

взял за ноги, отнес в сторону и ударил несколько раз головой о ствол дерева, после чего скрылся³.

При обнаружении в жилище трупа убитого с особой жестокостью ребенка одной из первых проверяемых версий должно стать предположение о совершении убийства родственниками (прежде всего родителями), страдающими психическими заболеваниями. Для психически больных характерна направленность агрессии в отношении близких, в том числе детей. Практике известны случаи, когда своих малолетних детей психически нездоровые матери в результате бредовых синдромов и императивных галлюцинаций бросали в печь, сбрасывали с балконов, топили в ванне, причиняли множественные ножевые повреждения, отчленили отдельные органы.

О психическом нездоровье преступника могут свидетельствовать надписи различного характера (от оскорбительного до религиозного), например, на стенах помещения, где произошло убийство, содержание обнаруженных записок. В отдельных случаях на трупах или поблизости имеются следы «вампиризма» (укусы, повреждения на теле в области крупных кровеносных сосудов, запасы крови в емкостях и т.п.).

Если на месте происшествия обнаружен труп лица предположительно с высоким социальным статусом (об этом могут свидетельствовать его одежда, обувь, часы, дорожное запонки, зажим для галстука, ухоженный внешний облик, содержимое портмоне), нет выраженного корыстного мотива, имеются следы так называемого «контрольного» выстрела, следователь должен выдвинуть версию о «заказном» убийстве. Такие убийства совершаются обычно при входе или выходе жертвы из помещения (квартиры, подъезда, автомобиля, ресторана и др.). Поэтому территория осмотра должна быть расширена с целью обнаружения возможных мест засады (ожидания жертвы). Это могут быть чердаки, подвалы, лестничные марши подъезда, где проживал погибший, гаражи, автомобили. Как показывает практика, в таких местах не раз удавалось обнаружить обороненные перчатки, окурки, следы обуви, брошенное оружие, гильзы, спички. С обнаруженного оружия рекомендуется изъять запаховые следы, которые в дальнейшем должны быть проверены по банку данных ЭКЦ МВД России. Может быть назначена экспертиза запаховых следов человека. Предположение о «заказном» характере убийства непосредственно влияет на процесс выдвижения версий о заказе преступления и его исполнителе, мотивах преступления.

Интересный исторический пример раскрытия преступления на основе выводов и предположений судебного эксперта по результатам исследования трупа приводит Ю. Торвальд. При исследовании трупа, обнаруженного в мешке, плавающим в реке, судебно-медицинский эксперт установил, что все переломы костей скелета носят посмертный характер и могли произойти при падении с большой высоты. При этом эксперт, общаясь со следователем, отметил, что эти переломы похожи на те, которые ему довелось видеть во время войны при вскрытиях трупов летчиков или парашютистов, парашюты которых не раскрылись, и они с большой высоты падали в воду. На основании этого выдвинули версию, что мешок с трупом был выброшен с самолета или вертолета, которая в дальнейшем подтвердилась⁴.

Наличие признаков насильственных действий сексуального характера дает основание, наряду с другими, выдвинуть версию о совершении убийства лицом с нетрадиционной сексуальной ориентацией, специфическими сексуальными предпочтениями, находившимся ранее в местах лишения свободы, и т.д.

К признакам сексуально-садистского убийства ученые-криминалисты и практики относят: причинение множественных телесных повреждений с использованием, как правило, орудий преступления (уколы, надрезы, придушивание, укусы, прижигания); помещение в отверстия тела (вагиналище, задний проход, рот) различных предметов

(бутылки, ветки, рукоятки ножей и др.); отчленение половых органов, конечностей, головы; причинение порезов в области живота, извлечение кишечника; манипуляции с трупом, одеждой обувью; похищение малоценных вещей жертвы (нижнего белья, бижутерии), прядей волос и проч., которые выступают в качестве фетиша; сокрытие трупа и одежды с трупа (например, закапывание). Как показывает практика, в большинстве случаев признаки сексуально-садистских убийств свидетельствуют о том, что действовал серийный убийца. Это ориентирует следователя на необходимость использования специальных учетов, получения соответствующих сведений от правоохранительных органов других районов и регионов.

Во многих случаях преступник связывает руки и (или) ноги жертвы, например, веревкой, жгутом, шнуром. Специалист по видам узлов, способам их завязывания уже на месте происшествия может определить наличие профессиональных навыков или особых умений лица, совершившего убийство. Узды и петли в дальнейшем исследуются в ходе трасологической судебной экспертизы.

При осмотре трупа специалистом и судебно-медицинской экспертизе трупа могут быть выявлены телесные повреждения, имеющие признаки ударов, нанесенных лицами, владеющими специальными спортивными или профессиональными навыками⁵.

Если обнаружены части расчлененного трупа, судебный эксперт-медик может указать на род занятий преступника, отмечая, обладал ли преступник знаниями в области анатомии, навыками разделки туш животных и т.п. Если это невозможно установить на месте осмотра, то такой вопрос в обязательном порядке необходимо поставить при назначении судебно-медицинской экспертизы.

В специальной литературе описаны случаи отражения профессиональных навыков и знаний преступника при совершении преступлений. Так, *преступник-хирург сделал труп убитой им жены неузнаваемым и помимо этого удалил с ее ног кожу, имевшую следы специфического лечения. Это подтвердило подозрение в отношении него, так как никто, кроме мужа, не знал, что потерпевшая лечила ноги. Изобличению способствовало высокопрофессиональное исполнение операции по снятию кожи*⁶.

Иногда для розыска и изобличения преступника важен анализ негативных обстоятельств. *Например, при осмотре трупа женщины, обнаруженного в квартире, где она проживала, было установлено, что ступни ног запачканы коричневой краской, обычно применяемой при окраске пола. В жилище убитой следов крашения и самой краски не было. Была выдвинута версия ее убийства в одной из квартир дома, где незадолго до преступления был выкрашен пол. В ходе поквартирного обхода сотрудники уголовного розыска обнаружили квартиру, где шел ремонт и аналогичной краской красили полы. В дальнейшем была доказана причаст-*

*ность к совершению преступления проживающего в этой квартире знакомого убитой, к которому она приходила в гости*⁷.

Таким образом, результаты осмотра трупа на месте обнаружения в сочетании с анализом следовой картины на месте происшествия позволяют правильно определить основные направления расследования, сузить круг лиц, на которых в первую очередь должны обратить внимание следственные органы и органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, обосновать план расследования. Первоначально выдвинутые версии в дальнейшем проверяются, находя свое подтверждение или опровержение, путем производства судебных экспертиз и иных следственных действий.

Литература

1. Бастрыкин А.И. Розыск, дознание, следствие / А.И. Бастрыкин, И.Ф. Крылов. М., 2014. 256 с.
2. Криминалистическое изучение личности : научно-практическое пособие для магистров / отв. ред. Я.В. Комиссарова. М., 2016. 224 с.
3. Практика расследования преступлений : сборник ситуаций. СПб., 1991. 96 с.
4. Скрипниченко В.В. Биомеханика рукопашного боя / В.В. Скрипниченко // Эксперт-криминалист. 2010. № 2. С. 26–27.
5. Следственная практика. Вып. 138. М., 1983. С. 30–34.
6. Следствием установлено. Положительный опыт работы по раскрытию и расследованию особо тяжких преступлений. Воронеж, 2009. 425 с.
7. Торвальд Ю. Сто лет криминалистики / Ю. Торвальд. М., 1974. 439 с.
8. Хмелёва А.В. Отдельные вопросы назначения судебных экспертиз и оценки заключения экспертов / А.В. Хмелёва // Эксперт-криминалист. 2015. № 2. С. 23–26.
9. Хмелёва А.В. Убийство по найму: результаты обобщения следственной практики / А.В. Хмелёва // Российский следователь. 2015. № 18. С. 11–14.

¹ См., например: Бастрыкин А.И., Крылов И.Ф. Розыск, дознание, следствие. М., 2014. С. 16; Криминалистическое изучение личности: научно-практическое пособие для магистров / отв. ред. Я.В. Комиссарова. М., 2016. С. 11–17.

² Следствием установлено. Положительный опыт работы по раскрытию и расследованию особо тяжких преступлений. Воронеж, 2009. С. 301–310. Материалы из личного архива автора статьи.

³ Торвальд Ю. Сто лет криминалистики. М., 1974. С. 228–239.

⁴ Скрипниченко В.В. Биомеханика рукопашного боя // Эксперт-криминалист. 2010. № 2. С. 26–27.

⁵ Практика расследования преступлений : сборник ситуаций. СПб., 1991. С. 53.

⁶ Следственная практика. Вып. 138. М., 1983. С. 30–34.

Редакционная политика Объединенной редакции «Издательская группа «Юрист» запрещает:

1. Самоплагиат. В случае, если элементы научной статьи ранее были опубликованы, в том числе и в журналах Издательской группы «Юрист», автор обязан сослаться на ранее опубликованную работу. Дословное копирование собственных работ и их перефразирование не допускается, они могут быть использованы только в качестве основы для новых выводов.

2. Дословное копирование более 10 процентов работы другого лица без указания его авторства, ссылки на источник и использования кавычек.

3. Некорректное перефразирование произведения другого лица, при котором было изменено более одного предложения в рамках одного параграфа или раздела текста, либо предложения были расположены в ином порядке без соответствующей ссылки на источник. Существенное некорректное перефразирование (более 10 процентов оригинальной работы) без ссылки на источник приравнивается к дословному копированию.

4. Использование составных частей произведения другого лица без указания авторства, например, абзаца, рисунка или таблицы без указания ссылки на источник или использования кавычек.

Проблема установления причинно-следственных связей в ходе расследования уголовных дел по фактам доведения до самоубийства, склонения к совершению самоубийства, содействия совершению самоубийства*

Храмцова Василина Васильевна,
старший инспектор отдела исследования проблем методик расследования преступлений управления научно-исследовательской деятельности (научно-исследовательского института криминалистики) Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук
vvtmx@yandex.ru

В статье затронута проблема установления наличия или отсутствия причинно-следственной связи между информацией, полученной несовершеннолетним в сети Интернет, и наступившими последствиями в виде самоубийства или совершения запрещенного уголовным законом деяния. На конкретном примере продемонстрированы возможности психолого-лингвистической экспертизы в случае ее производства по данной категории дел. Освещены некоторые особенности назначения такого рода экспертиз.

Ключевые слова: несовершеннолетний, доведение до самоубийства, склонение к совершению самоубийства, содействие совершению самоубийства, психолого-психиатрическая экспертиза, психолого-лингвистическая экспертиза.

The article touches upon the problem of establishing the presence or absence of a causal link between information obtained by a minor on the Internet and the consequences in the form of suicide or committing an act prohibited by criminal law. The possibilities of psycho-linguistic expertise in case of its production in this category of cases are demonstrated on a concrete example. Some features of the appointment of such examinations are covered.

Keywords: minor, bringing to suicide, inclination to commit suicide, assistance to commit suicide, psychological and psychiatric examination, psychological and linguistic examination.

Жизнь не стоит на месте. Наряду с позитивными изменениями, связанными с совершенствованием науки и техники, появлением новых средств и способов коммуникации, познавательной деятельности, одновременно расширяется спектр возможностей психологического воздействия на человека с помощью информационных технологий.

Споры о наличии или отсутствии такого воздействия, а также его последствиях не прекращаются с 70-х годов прошлого века¹. Наличие доступа в сеть Интернет едва ли не у каждого человека, особенно, у малолетних и подростков, оказалось связано с крайне болезненными вопросами, касающимися различных аспектов манипулирования сознанием, использования механизмов внушения и т.д.

В настоящее время с появлением в УК РФ п. «д» ч. 3 ст. 110, а также ст. 110.1 и 110.2 следователи столкнулись с необходимостью установления наличия или отсутствия причинно-следственной связи между информацией, полученной несовершеннолетним лицом в сети Интернет, и наступившими последствиями в виде самоубийства. Кроме

того, актуальными для решения в рамках уголовного дела становятся вопросы установления причинно-следственной связи между действиями подозреваемого, обвиняемого в сети Интернет и психическим состоянием несовершеннолетнего в период, предшествующий его самоубийству или совершению им преступления (например, нападению на учебное заведение с целью массового убийства, террористического акта и т.п.).

Данные задачи являются новыми, что не позволяет экспертам использовать стандартные подходы к их решению. Остро стоит вопрос выработки новых экспертных подходов, которые позволяли бы решать подобные задачи.

Информацию, полученную несовершеннолетними посредством сети Интернет, экспертами Федерального государственного бюджетного учреждения «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации, предлагается анализировать в рамках судебной психолого-лингвистической экспертизы.

* The Issue of Establishment of Cause-and-Effect Relationships in the Course of Investigation of Criminal Cases on Forcible Suicide, Inducement for Suicide, Assistance in Suicide

Khramtsova Vasilina V., Senior Inspector of the Department of Research of Crime Investigation Methods of the Research Directorate (Research Institute of Criminalistics) of the Chief Criminalistic Directorate (Criminalistic Center) of the Investigative Committee of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences

Вместе с тем признается практическая необходимость в накоплении материала с целью выработки экспертных подходов и принципов, которые в будущем позволяли бы решать подобные вопросы также и в рамках посмертных комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз несовершеннолетних².

Практика пошла именно по такому пути. По уголовному делу по обвинению в доведении до самоубийства несовершеннолетних, связанному с распространением суицидального поведения участников «групп смерти» в социальных сетях, в ходе проведения комплексной психолого-лингвистической экспертизы было установлено, что в текстах сообщений, направляемых обвиняемым для ознакомления пользователями социальной сети Интернет, имелись признаки угрозы. Они заключались во фразах «убивайте друг друга», «убивайте себя», прямой угрозе во фразе «вскрываешь вены, падаешь с крыши» и косвенной угрозе в выражении «если все сделаешь правильно, то не останешься» (жива). Выявлены признаки жестокого обращения: приказ к уничтожению людей «убивайте друг друга», оправдание жестоких действий, призывы лишиться себя жизни «убивайте себя», «прыгаешь с крыши», «вскрываешь вены», «спрыгнуть с 18 этажа».

В деятельности обвиняемого были выявлены признаки систематического целенаправленного доведения несовершеннолетних до самоубийства или попытки его совершения. Несовершеннолетние потерпевшие испытывали влияние как прямое, исходящее непосредственно из их личной переписки с обвиняемым, так и опосредованное, то есть через восприятие психологической атмосферы в сообществах и восприятие реакций других участников сообществ и чатов, через просмотр материалов (текстов, фото- и видеоматериалов), выкладываемых обвиняемым на «стене» сообщества. Несовершеннолетние потерпевшие подвергались воздействию групповых норм, сформированных обвиняемым, являющимся администратором указанных интернет-сообществ.

Эксперты установили, что признаки систематического целенаправленного доведения несовершеннолетних до самоубийства или попытки его совершения нашли отражение в последовательном поэтапном использовании обвиняемым следующих методов (приемов) психологического воздействия на личность в целях формирования намерения совершить самоубийство:

- неспецифические приемы в виде целенаправленной мистификации в оформлении и наполнении контента сообществ в социальной сети «ВКонтакте», используемые обвиняемым на начальном этапе с целью усиления интереса несовершеннолетних к создаваемым им сообществам, а также для формирования своего образа как авторитета, «гуру», приобщенного к таинствам, посвященного в тайну жизни, в том числе жизни после смерти;

- целенаправленное создание контента (аудио-, фото-, видеоматериалы, тексты с использованием специальной лексики из области суицидологии), формирующего у участников сообществ, включая несовершеннолетних потерпевших, антивитальной (направленной на размышления о бессмысленности, ненужности жизни без четких представлений о собственной смерти), депрессивной и общей суицидальной направленности сознания;

- переход от идеи антивитальности к идее прекращения жизни ввиду ее ненужности и бесперспективности каких-либо усилий по ее изменению;

- эмоциональное воздействие в виде приписывания факту смерти (и суицида) позитивных качеств, связанных с продолжением «лучшей» жизни после смерти;

- целенаправленное занижение самооценки несовершеннолетних потерпевших (в том числе путем оскорблений) с одновременным внушением им мысли о единственно возможном выходе из сложившейся жизненной ситуации — совершении самоубийства;

- эмоциональное «заражение» обвиняемым несовершеннолетних потерпевших (с целью формирования у них суицидальных намерений) через личный пример, то есть путем трансляции своей готовности совершить суицид при одновременном обесценивании тех, кто боится или не хочет последовать примеру совершить самоубийство;

- консолидация участников сообщества путем формирования у них чувства принадлежности, приобщенности к группе единомышленников;

- формирование ощущения идентификации с группой «избранных» (способных познать истину после смерти), противостоящей большинству обычных людей;

- формирование сообщества единомышленников и контроль за поведением несовершеннолетних потерпевших путем установления самим обвиняемым правил общения в сообществе (например, обязательность определенного периода пребывания несовершеннолетних в чатах в ночное время);

- целенаправленное регулирование групповой динамики в сообществах, когда участники сообществ становятся людьми, которые не только выполняют установленные обвиняемым нормы, но и выступают как активные защитники этих норм, подвергая критике ослушавшихся;

- истощение психофизиологических ресурсов организма несовершеннолетних путем установления ночного и продолжительного группового общения в чатах, что также способствовало снижению критики и самоконтроля и в совокупности вело к повышению чувствительности потерпевших к оказываемому на них воздействию;

- формирование обвиняемым особых групповых правил, опорных пунктов и вех, достижение которых свидетельствует об успешности прохождении всего «маршрута» (уровня «игры»), конечную цель которого обвиняемый обозначает как совершение самоубийства;

- стимулирование необходимости выполнения групповых правил, которые свидетельствовали бы о высокой включенности несовершеннолетних потерпевших в «игру» (важной групповой нормой, установленной обвиняемым, являлось требование удалить ленту сообщений после общения в интернет-группах), противопоставление тем самым эмоционально насыщенного мира интернет-сообществ формальному миру реальной жизни;

- прямое стимулирование со стороны обвиняемого несовершеннолетних к определению даты готовности совершения суицида, в том числе с использованием группового давления и подталкивания к выполнению норм сообщества;

- личное сопровождение со стороны обвиняемого несовершеннолетних после получения от них сообщения о готовности к самоубийству или установления им даты смерти, фактически замещающее собой внутреннюю субъективную разработку потенциальными несовершеннолетними суицидентами суицидального намерения; навязывание обвиняемым способа самоубийства, времени и места его осуществления;

- целенаправленное формирование обвиняемым представления у несовершеннолетних потерпевших о невозможности обратного пути (включая явные угрозы) и утверждение «гарантий» перехода в другой мир при точном выполнении его инструкций;

- на этапе, непосредственно предшествующем реализации суицидального намерения несовершеннолетними, со стороны обвиняемого отмечалось целенаправленное формирование у них ощущения принадлежности к большой группе суицидентов путем выдачи четырехзначного номера;

- на последних этапах взаимодействия с несовершеннолетними обвиняемый в очередной раз целенаправленно формировал единое ценностное групповое сознание, что нашло отражение в трансляции установки на значимость

совершения суицида с последующим размещением в интернет-группах фото- и видеоматериалов, запечатлевших собственный суицид.

Кроме того, по результатам проведенного исследования экспертами был сделан вывод о том, что обвиняемым использовались психологические особенности потерпевших для мотивирования их к совершению самоубийства.

В заключение хотелось бы отметить, что скрупулезность и качество предоставленных следователем материалов для проведения данного рода экспертиз в немалой степени определяют эффективность решения экспертных задач.

Наряду с материалами, традиционно направляемыми экспертам — психологам, психиатрам, лингвистам — с целью разрешения рассматриваемых вопросов, связанных с противоправными деяниями в сети Интернет, должны предоставляться материалы, отражающие следующую информацию: какими сайтами и каким контентом интересовался потерпевший; в какие компьютерные игры играл; с кем, в каких социальных сетях общался; его поведение в сети Интернет в рамках общения в социальных сетях, в переписке с друзьями и обвиняемым; активность несовершеннолетнего в деятельности специфических контентов суицидальной направленности. Также следует предоставить: скриншоты переписки несовершеннолетнего с обвиняемым и другими собеседниками в социальных сетях на тему суицида или иных действий, деструктивного характера; протоколы осмотров мобильных телефонов, компьютеров, ноутбуков, флеш-карт, съемных дисков или карт памяти, надписей и рисунков, сделанных подростком, носящих депрессивный либо псевдорелигиозный, оккультный характер; дневники или записи несовершеннолетнего, заключения судебных компьютерно-технических экспертиз.

Литература

1. Визнер Дж.Б. Перспективы информационной тирании / Дж.Б. Визнер // Кибернетика сегодня: проблемы и суждения : сборник. М. : Знание, 1976. С. 39–46.
2. Дмитриева Л.А. Социально-психологическая проблематика профилактики суицидального поведения несовершеннолетних / Л.А. Дмитриева, В.А. Перов // Юридическая психология. 2017. № 4. С. 7–10.
3. Козырева И.Е. Роль внушения и внушаемости в генезисе преступного поведения / И.Е. Козырева // Эксперт-криминалист. 2017. № 3. С. 21–22.
4. Макушкин Е.В. Подготовка материалов следователями для производства посмертной комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетних, окончивших жизнь самоубийством (статья 110 УК РФ) : методические рекомендации / Е.В. Макушкин, В.Д. Бадмаева, Е.Г. Дозорцева, С.Н. Шишков, С.В. Полубинская. М. : ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, 2018. 20 с.
5. Перов В.А. Современные проблемы уголовной ответственности лиц, подстрекающих к подростковому суициду (о борьбе с промоутерами смерти) / В.А. Перов, Е.А. Сунцова // Вопросы ювальной юстиции. 2016. № 3. С. 12–14.
6. Эльконин Д.Б. Психология игры / Д.Б. Эльконин. М. : Педагогика, 1978. 360 с.

¹ См., напр.: Визнер Дж.Б. Перспективы информационной тирании // Кибернетика сегодня: проблемы и суждения : сборник. М. : Знание, 1976. С. 39–46; Эльконин Д.Б. Психология игры. М. : Педагогика, 1978.

² Макушкин Е.В., Бадмаева В.Д., Дозорцева Е.Г., Шишков С.Н., Полубинская С.В. Подготовка материалов следователями для производства посмертной комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетних, окончивших жизнь самоубийством (статья 110 УК РФ) : методические рекомендации. М. : ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, 2018. С. 10–11.

ОБЩИЕ ПРАВИЛА оформления статей и иных материалов, направляемых для опубликования в журналах Издательской группы «ЮРИСТ»

1. Материалы представляются в электронном виде (в формате Word 7.0 или поздней версии) на электронный адрес редакции: avtor@lawinfo.ru (текст — через 1,5 интервала, кегль шрифта — 14, с подписью автора на последней странице; сноски постраничные, в конце каждой страницы, обозначения арабскими цифрами). Объем материала не должен превышать 10 страниц, что соответствует 20 000 знаков (с учетом сносок и пробелов) (далее — Статья). К рассмотрению не принимаются Статьи, направленные в несколько изданий, в случае выявления факта направления Статьи в несколько изданий в дальнейшем Статьи автора не будут приниматься к рассмотрению.

2. По запросу автор получает информацию о статусе его Статьи.

3. Договор о предоставлении автором интеллектуальных прав на Статью заключается в порядке, приведенном в разделе «Редакционная политика ИГ «Юрист» по адресу: <http://lawinfo.ru/for-authors/policy/>. Перед направлением в редакцию Статьи просим обязательно ознакомиться с требованиями, приведенными в разделе «Редакционная политика ИГ «Юрист». Статьи, направленные в редакцию с нарушением указанных требований, к рассмотрению не принимаются.

КОНФЕРЕНЦИИ. НАШ ДАЙДЖЕСТ

Итоги VII Международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях»

В Московском государственном юридическом университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) 17–18 января 2019 г. состоялась VII Международная научно-практическая конференция «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях». В ее работе приняли участие более 300 ведущих отечественных и зарубежных ученых и практиков в области судебно-экспертной деятельности и процессуального права.

Пленарное заседание открыла первый проректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) профессор, доктор юридических наук Е.Ю. Грачева, пожелав всем активной и продуктивной работы.

Со вступительными словами к участникам Конференции обратились первый заместитель начальника Экспертно-криминалистического центра МВД России С.В. Сыромятников, ректор Московской академии Следственного комитета России А.М. Багмет, заместитель директора РФЦСЭ при Минюсте России доктор юридических наук Г.Г. Омелянюк, начальник ГБУ МО «Бюро судебно-медицинской экспертизы» доктор медицинских наук В.А. Клевно.

На пленарном заседании 17 января 2019 г., сопровождавшемся интернет-трансляцией, с докладами выступили ведущие отечественные и зарубежные теоретики и практики судебных экспертиз.

Программный доклад Е.Р. Россинской, директора Института судебных экспертиз, заведующей кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктора юридических наук, профессора, президента Ассоциации образовательных учреждений «Судебная экспертиза», академика РАЕН, заслуженного деятеля науки РФ, почетного работника высшего профессионального образования РФ, был посвящен современному состоянию и перспективам цифровизации судебно-экспертной деятельности.

С особым интересом участники конференции слушали выступления иностранных гостей, посвященные теории и практике судебной экспертизы в современных условиях: Trisic Ljiljana, независимого эксперта из Боснии и Герцеговины, ректора Института повышения квалификации и переподготовки кадров Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, кандидата юридических наук, доцента И.А. Лапиной, главного эксперта института судебных экспертиз по Павлодарской области РКП «ЦСЭ МЭ РК», кандидата юридических наук Л.Ф. Парамоновой.

Большое внимание привлекли доклады профессора кафедры трасологии и оружейведения Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Н.П. Майлис; директора Института права Башкирского государственного университета, доктора юридических наук, профессора И.А. Макаренко; профессора кафедры криминалистики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ, заслуженного юриста РФ А.Ф. Волынского и других ученых.

18 января 2019 г. Конференция работала по тематическим секциям.

На секции № 1 «Теоретические, правовые и организационные проблемы судебной экспертологии» под руководством профессора Е.Р. Россинской с докладами выступали профессор кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета, исполнительный директор Урало-Поволжского объединения судебных экспертов (г. Уфа), д.ю.н., доцент Ф.Г. Аминов, профессор кафедры криминалистики юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, д.мед.н. И.О. Перепечина, начальник кафедры экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса судебной экспертизы

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, к.ю.н., доцент Е.А. Шкоропат и др.

На секции № 2 «Проблемы судебных речеведческих экспертиз» под руководством д.ю.н., д.филол.н, профессора, заместителя заведующего кафедрой судебных экспертиз Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Е.И. Галяшиной обсудили ряд вопросов, связанных с языком экспертного заключения и языком эксперта. Наиболее интересными были доклады научного сотрудника Института лингвистических исследований РАН И.Е. Кузнецовой, а также д.филол.н. М.М. Муцининой.

В ходе работы секции № 3 «Проблемы криминалистических экспертиз» под руководством доцента кафедры судебных экспертиз Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцента И.Н. Подволоцкого развернулась дискуссия по вопросам исследования документов. С большим вниманием участники отнеслись к выступлениям главного эксперта отдела почерковедческих экспертиз и технико-криминалистического исследования документов управления криминалистических экспертиз и учетов ЭКЦ МВД России А.А. Плинатуса, Д.А. Шлыкова и других специалистов.

На секции № 4 «Проблемы судебно-медицинских, судебно-психиатрических и психологических экспертиз» под руководством профессоров кафедры судебных экспертиз Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н., профессора, заслуженного юриста РФ А.М. Зинина и д.ю.н., к.мед.н., профессора С.С. Самиченко в ходе оживленной дискуссии обсуждались вопросы методического обеспечения судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа.

В работе секции № 5 «Проблемы судебных инженерно-технических экспертиз, экспертизы веществ, материалов и изделий» (руководители секции доценты кафедры судебных экспертиз Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) к.ю.н. Г.П. Шамаев и к.ю.н. А.И. Семикаленова) живой интерес вызвало выступление члена НП «Палата судебных экспертов имени Ю.Г. Корухова», к.тех.н. А.В. Исаева, посвященное железнодорожно-транспортным экспертизам в судопроизводстве РФ, стран СНГ и ЕС.

О проблемах низкого качества судебных землеустроительных экспертиз говорили в своем докладе доцент кафедры информатики Государственного университета по землеустройству, к.пед.н. С.М. Салов и преподаватель Центра повышения квалификации и профессиональной переподготовки руководящих работников и специалистов Московского государственного университета геодезии и картографии Д.В. Самойленко.

Большим вниманием пользовалась секция № 6 «Проблемы судебных экономических экспертиз» под руководством доцента кафедры судебных экспертиз Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.э.н. А.А. Савицкого, которая объединила более 50 практикующих экспертов, оценщиков, аудиторов и арбитражных управляющих.

В работе студенческой секции, руководство которой осуществляла к.ю.н., доцент кафедры судебных экспертиз Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Л.И. Слепнёва, приняли участие студенты не только института судебных экспертиз, но и других российских вузов.

По итогам работы Конференции участники отметили значимость непосредственного общения и обмена опытом специалистов из разных областей судебных экспертиз.

Информация предоставлена заместителем заведующей кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидатом юридических наук Неретиной Надеждой Сергеевной

Пресс-релиз VII Всероссийской научно-практической конференции «Криминалистические средства и методы в раскрытии и расследовании преступлений»

5–6 марта 2019 г. в Экспертно-криминалистическом центре Министерства внутренних дел Российской Федерации состоялась VII Всероссийская научно-практическая конференция «Криминалистические средства и методы в раскрытии и расследовании преступлений», посвященная 100-летию юбилею экспертно-криминалистической службы системы МВД России. В работе конференции приняли участие руководители и сотрудники экспертно-криминалистических подразделений территориальных органов МВД России, ЭКЦ МВД России, экспертных служб Следственного комитета РФ, Минюста, ФСБ, Минздрава, ФТС России образовательных организаций различной ведомственной принадлежности.

Открыл конференцию начальник ЭКЦ МВД России кандидат экономических наук генерал-лейтенант полиции А.В. Шишко. На пленарном заседании с докладами выступили: врио заместителя начальника ЭКЦ МВД России полковник полиции Павел Севастьянов; профессор кафедры судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия доктор юридических наук, профессор Татьяна Аверьянова; директор Института судебных экспертиз, заведующая кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) доктор юридических наук, профессор Елена Россинская; профессор кафедры оружейведения и трасологии учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя доктор юридических наук, профессор Надежда Майлис; заведующий кафедрой судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия доктор юридических наук, кандидат биологических наук, профессор Татьяна Моисеева; доктор юридических наук, профессор Андрей Шмонин; начальник отдела судебно-технических экспертиз ЭКЦ МВД России кандидат юридических наук полковник полиции Галина Акифьева; главный эксперт отдела экспертиз биологических объектов ЭКЦ МВД России полковник полиции Алексей Культин.

По окончании пленарного заседания на базе структурных подразделений ЭКЦ МВД России была развернута работа секций: «Правовые и организационные вопросы экспертно-криминалистической деятельности, подготовка экспертных кадров», «Технико-криминалистические экспертизы документов, почерковедческие экспертизы», «Баллистические, дактилоскопические и трасологические экспертизы, исследование холодного и метательного оружия», «Экспертиза материалов, веществ и изделий, почвенно-ботанические и минералогические экспертизы», «Фоноскопические, лингвистические, автороведческие экспертизы», «Компьютерные, радиотехнические, фото-, видеотехнические и портретные экспертизы, психофизиологические исследования в отношении лица с применением полиграфа», «Автотехнические, взрыво- и пожарно-технические экспертизы», «Биологические, медико-криминалистические, ольфакторные эксперти-

зы», «Экономические, товароведческие и строительно-технические экспертизы».

В рамках работы секций с докладами выступили свыше 150 специалистов. В ходе дискуссий поднимались вопросы внедрения современных научно-технических средств в процесс раскрытия и расследования преступлений.

Рассматривались возможности формализации частных признаков почерка и автоматизации процесса производства почерковедческих экспертиз, применения стандартных операционных процедур в судебно-экспертной деятельности на примере экспертизы маркировочных обозначений транспортных средств, производства взрывотехнической экспертизы по фактам взрывов банкоматов. Обсуждались вопросы необходимости комплексного исследования вещественных доказательств с помощью ДНК-анализа и ольфакторного экспертного метода.

В рамках работы секции «Экономические, товароведческие и строительно-технические экспертизы» проанализированы различные аспекты назначения и производства бухгалтерских экспертиз по определению дохода от финансово-хозяйственной деятельности физических и юридических лиц, уделено внимание вопросам организации строительно-технической экспертизы в системе МВД России.

Большой интерес вызвали вопросы организации производства психофизиологических экспертиз и исследований с применением полиграфа, рассматривающиеся на секции «Компьютерные, радиотехнические, фото-, видеотехнические и портретные экспертизы, психофизиологические исследования в отношении лица с применением полиграфа». Отмечено, что на сегодняшний день в системе МВД России задача методического обеспечения их проведения успешно решена. Коллективом авторов из числа опытных специалистов в области полиграфологии из экспертных подразделений МВД России, СК России, ФСБ России, Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) разработаны соответствующие методические рекомендации. Это позволит повысить результативность психофизиологических исследований и экспертиз с применением полиграфа, проводимых в системе МВД России, будет способствовать предотвращению использования на практике научно не обоснованных и не апробированных технологий.

В ходе работы секции «Фоноскопические, лингвистические, автороведческие экспертизы» заслушаны доклады ведущих ученых и практиков в области исследования голоса и речи, моделирования характеристик автора текста. Представлены выработанные ЭКЦ МВД России современные подходы к лингвистическому анализу текстов, содержащих невербальный компонент, криминалистическому исследованию признаков синтезированной речи, идентификации автора по материалам переписок в мессенджерах.

Всего участниками форума сделаны 104 доклада, которые включены в сборник материалов конференции.